

ПОПУТЧИКИ

Драма в 2-х действиях.

Действующие лица:

1. ИНГА ЯНАВИЧУТЕ (по мужу Сазонова). Почти 40 лет.
2. ВОЛКОВ ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Преподаватель экономики. 47 лет.
3. ОКСАНА ИВАНОВА. 35 лет. Хозяйка сра-салона.
4. МАРК ЛИВШИЦ. Владелец мясоперерабатывающего холдинга. 38 лет.
5. САЗОНОВ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ - муж Инги. Петербургский чиновник. 55 лет.
6. РУСЛАН – первый поклонник Инги.
7. СЕРЖ – второй поклонник Инги.
8. ПРОВОДНИК поезда.
9. РУСТАМ – компаньон Оксаны.
10. ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ.

Первое действие.

Декорации:.

Основное действие пьесы происходит в течение одного летнего дня и одной ночи в купе поезда. Через всю сцену – от кулисы к кулисе – тянется зеленый вагон «Владикавказ-Санкт-Петербург». Тамбур за сценой справа.

Картина первая.

Вокзальная суэта. Гудят уходящие, приходящие поезда. Появляется Волков. Очки в поллица. Волков ставит чемодан, достает телефон, пиджак бросает на чемодан, набирает номер.

ВОЛКОВ. Доченька! Не плачь. Мамы больше нет! Скоро я тебя заберу. С бабушкой своей, Воронежской, ты жить не будешь! (Пауза) Доченька...

Чуть ранее на сцену выбегает широкоплечий здоровяк. На голову выше Волкова. Здоровяк на бегу смотрит за спину, Волкова не замечает. Тот тоже не видит здоровяка, обращен лицом к залу. Здоровяк с такой силой бьет в плечо Волкова, что тот падает на сцену. Очки слетают с лица, телефон из рук вон. При падении распадается на фрагменты.

МАРК (не смотрит на Волкова, замирает на секунду). Питерский поезд?

ВОЛКОВ. Однако...

МАРК. Прости, старик. Не заметил. (Наступает на очки Волкова, убегает за кулису).

ВОЛКОВ. Очки! Очки!!! (Поднимает обломки). Будь проклято чрево, плодящее таких вот... (ищет слово) кретинов!

За сценой слышен топот ног. Голоса «Эй. Стойте, гражданин!»

ВОЛКОВ. Подонок. Каков подонок! Новые очки. (Прячет обломки в карман пиджака, собирает фрагменты телефона).

Из-за левой кулисы появляется с небольшой дорожной сумкой на плече Оксана Фирсова. Худая, невысокого роста женщина.

ОКСАНА (останавливается в трех метрах от Волкова, достает телефон, набирает номер). Здравствуйте. Это прачечная? (Пауза). Я перед отъездом оставляла грязное белье. Д-да, да, этот заказ. Не могли бы к моему приезду постирать? (Пауза). Завтра. В пять утра. Х-ха-а-а-р-р-а—а-шо. Да. Этот телефон. (Отключает телефон, идет к кулисе).

Вновь слышится топот ног.

ГОЛОС (за сценой). Эй! Стойте! Гражданин!

ОКСАНА (уже поравнялась с Волковым, испуганно). Я?! (Резко разворачивается на крик, сумкой выбивает телефон из рук Волкова).

ВОЛКОВ. Да, черт всех вас возьми! Совесть есть!?

ОКСАНА. Ой, простите! Кричащий вокзал. Вокруг одни идиоты.

ВОЛКОВ. ??!

ОКСАНА. Телефон уронили? (Ставит сумку на сцену). Щас собрать помогу. У меня тоже падает. Пять раз на день. Крышка здесь, батарея там... (Поднимает батарею, крышку телефона, остальное). Собираю. Ничего.

ВОЛКОВ. Да... (вздыхает) телефон... Один негодяй до вас так грохнул в плечо. Очки на пирон! Стал поднимать, так он всем башмаком! Прямо на очки! Пронесся, как вихрь!

ОКСАНА. Раздавил?

ВОЛКОВ. Раздавил.

ОКСАНА. Оправа дорогая?

ВОЛКОВ. Дорогая! Редкая. Полгода выбирал.

ОКСАНА (вопросительно смотрит на Волкова). Извините..?

ВОЛКОВ (долго не возьмет в толк, потом кивает). А..! Волков. Волков Лев Александрович.

ОКСАНА. Оксана.

ВОЛКОВ. Очень (вздыхает) приятно.

ОКСАНА. Ваш телефон. Включайте.

ВОЛКОВ (берет телефон). Кажется, работает.

ОКСАНА. Набирайте номер.

ВОЛКОВ. Какой?

ОКСАНА. Любой.

ВОЛКОВ. Проклятая жара! Работает. (Отключает телефон, прячет в карман брюк). Спасибо. Оксана.

ОКСАНА. Не за что. Лев Александрович. (Идет с сумкой через сцену, исчезает за кулисой).

Появляется с большим чемоданом на колесах Инга. Останавливается в трех метрах от Волкова. Волков уходит.

ИНГА (достаёт из кармана телефон, набирает номер). Миша? Сазанов!

Из-за кулисы выбегает немолодой среднего роста мужичок: резиновые сапоги, рыбацкий костюм, бесформенная шляпа.

САЗОНОВ (на бегу достаёт телефон, останавливается). Инга, милая. Прости меня.

ИНГА. Мишаня, по твоей милости я буду сутки трястись в поезде! Скажи мне, что ты сейчас делаешь? Где ты?!

САЗОНОВ. В Финляндии. Ловлю форель.

ИНГА. Третий день?

САЗОНОВ. Второй.

ИНГА. Мишаня, ты никогда не ловил рыбу! До вчерашнего дня – никогда! Понравилась? Форель? Надеюсь, она холодная? Скользящая?

САЗОНОВ. Инга!

ИНГА. И осенью твоя ФОРЭ-Э-ЭЛЬ не отправится с тобой в Испанию?

САЗОНОВ. Зачем?

ИНГА. Прохладное вино? Джакузи на двоих?

САЗОНОВ (с мольбой). Инга! Я хоть раз... Хотя бы раз за двенадцать лет дал повод? Ты лучшее, что у меня было и есть в жизни!

ИНГА. Как ты к этому пришел?

САЗОНОВ. К несчастью, опытным путем.

ИНГА. Что значит: «опытным путем»?

САЗОНОВ. Через две женитьбы.

ИНГА. Мишаня, я зла на тебя. Жаль ты не видишь меня сейчас. Я прямо зелена от злобы.

САЗОНОВ. Инга...

ИНГА. Ну, зачем ты отправил меня поездом?!!

САЗОНОВ. Прости. Мои дурацкие виденья.

ИНГА. Мишаня, к старости все твои видения обернутся одним большим привидением. Которое будет ходить за тобой по пятам. И твоими зачарованными слушателями будут Чехов, Шекспир и Дюрренматт. В палате номер «шесть».

САЗОНОВ. Инга, перестань. Ты еще можешь вернуться в аэропорт.

ИНГА. Прямой рейс домой будет только завтра. Но я уже не хочу блуждать по небу: взлет-посадка, взлет-посадка...

САЗОНОВ. Что ж мне прислать за тобой дирижабль?

ИНГА. Поезд прибывает завтра в пять утра. На Московский вокзал. Только посмей опоздать!

САЗОНОВ. Буду вовремя. Или пришлю водителя.

ИНГА. Нет, Мишаня! Ты приедешь сам. За видения свои надо платить!

САЗОНОВ. Приеду сам.

ИНГА. Прощай. (Прячет телефон в карман. С издевкой). Дельфийский оракул. (Покидает сцену).

САЗОНОВ. Мегера. (Прячет телефон). Иногда. (Уходит).

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Центральная часть декорации (вагона) поднимается вверх. В «разорванном» пространстве коридор. Открыто одно центральное купе № 6.

Волков идет по вагону, входит в шестое купе, достает из чемодана дорожные вещи, прячет чемодан, уходит переодеться. Появляется Инга: чемодан под стол, садится у окна.

ОКСАНА (на ходу, скороговоркой). Не моё, не моё, не моё, не моё... (останавливается у шестого купе). Моё. (Инге) Доброе утро.

ИНГА. Здравствуйте. Не совсем оно доброе.

ОКСАНА (кивает). Оксана.

ИНГА. Что?

ОКСАНА. Меня, Оксана, зовут.

ИНГА. Да, да. Я Инга. Простите.

ОКСАНА. Тоже сейчас сели?

ИНГА. Сейчас.

ОКСАНА. Едете до конца?

ИНГА (кивает). До Петербурга.

ОКСАНА. Славно. Так... Моя полка. (Поднимает нижнюю полку). Багажа нет. (Кладет свою сумку). До Питера вдвоем?

ИНГА (качает головой). Я хотела оплатить все купе. Пустых не было. Думаю, будет кто-то еще.

ОКСАНА. Слушайте, можно договориться об отдельном купе сейчас. С проводником, начальником поезда.

ИНГА. Знаете, Оксана, уже ничего не хочу. Так устала! Упасть. Уснуть.

ОКСАНА. Согласна.

Объявление: «...Скорый поезд Сто Двадцать Первый – «Владикавказ-Санкт-Петербург» - отправляется с первого пути». Раздается характерный стук вагонов, трогаящегося поезда.

Наконец-то. (Садится рядом с Ингой).

Появляется Марк. Быстрым шагом идет по вагону.

МАРК (заглядывает в купе). Шестое?

ИНГА. Да.

МАРК (входит, сумку бросает наверх, по-хозяйски валится спиной к подушке, обращается к обеим женщинам сразу). Всем привет. Тоже садились через соседний вагон?

ОКСАНА. Да.

ИНГА (кивает). И я.

МАРК. Потрясную историю мне щас рассказал тамошний проводник. Наш вагон – этот (тычет пальцем в пол), был специальным, добавочным. В Ростове его должна была занять делегация.

ОКСАНА. Какая «делегация».

МАРК. Не знаю, в общем, она так и не села. Ее отправили самолетом. Дальше оба проводника нашего поезда из восьмого вагона отравились. Неизвестно где, непонятно чем. В Каменской их сняли, увезли на скорой. Двух парней из этого вагона отправили в восьмой. Он битком. Все купе, кроме нашего, пусты. Начальник поезда дал команду: в этот вагон билеты больше не продавать. Кстати... Марк.

ОКСАНА. Что?

МАРК. Просто, Марк.

ОКСАНА, А, Оксана.

ИНГА. Инга.

МАРК. Чудно. Познакомились.

ИНГА. Признайтесь, Марк, вы это придумали. Нас разыгрываете?

МАРК. Нет, дамы. Клянусь! Если только не разыграли меня. Короче, всем нам чертовски повезло! Потому, предлагаю устроить маленький утренний сабантуй... (Теперь садится. Локти на стол).

ИНГА. Дорогие, волею обстоятельств, попутчики. Сейчас я хотела бы лечь! Выспаться.

ОКСАНА. Согласна.

Переодевшийся Волков идет к шестому купе. На лице другие очки. Похожи на прежние.

МАРК. Не настаиваю.

ВОЛКОВ. Здравствуйте.

ИНГА. Здравствуйте.

ВОЛКОВ (встречается взглядом с Марком). ?!!!

Долгая пауза.

МАРК (лезет в карман, достает бумажник, протягивает Волкову купюру). Пятьсот евро.

ВОЛКОВ. Простите?

МАРК. Взгляд у Вас странный. Мало ли, должен?

ВОЛКОВ. Не должны.

МАРК (прячет купюру в бумажник, бумажник в карман. Инге, Оксане). Коли сон важней, прошвырнись в вагон-ресторан. Надеюсь, работает. Кофе и завтрак должны быть горячими. (Выходит из купе в коридор вагона, покидает сцену).

ВОЛКОВ. (Оксане). Вы?

ОКСАНА (с улыбкой). Еще раз, здрасьте, Лев Александрович?

ВОЛКОВ. Да

ОКСАНА. Больше никто не толкал вас на пироне?

ВОЛКОВ (Оксане). Никто.

ИНГА (всем сразу). Извините, вы не против, я переоденусь?

ВОЛКОВ. Конечно. (Выходит из купе).

ОКСАНА (Инге). Я за вами.

ИНГА (закрывая дверь купе). Спасибо. Постараюсь быстро.

Оксана и Волков стоят у вагонного окна, глядят в «перспективу пространства».

Стучат колеса, мелькают тени... Мчится поезд.

ВОЛКОВ (задумчиво). Бином Ньютона...

ОКСАНА. Что-то случилось?

ВОЛКОВ. В Воронеже, умерла моя первая жена.

ОКСАНА. Как умерла?

ВОЛКОВ. Скоростижно. Тромб. Сорок пять лет. Стояла на остановке. Ждала автобус. Мгновение. ВСЁ!

ОКСАНА. Сочувствую.

ВОЛКОВ. Осталась дочь. Надо забрать ее в Петербург. (Пауза, вздыхает). Как?! Куда забрать..? Бином Ньютона... Извините.. извините... (Машет рукой, уходит за кулису).

Оксана делает шаг к двери, хочет постучать, дернуть ручку. Не решается. Уходит к другой кулисе. Появляется Инга в халате и тапочках. Удивляется: никого. Садится на откидной, коридорный стульчик, тут же засыпает, прислонив голову к вагонному стеклу. Оксана возвращается на сцену, проходит мимо Инги, скрывается за дверью шестого купе. Гаснет свет.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Тихо. Появляется другой бледно-желтый свет. Возникает туманная, легкая дымка, символизирующая ирреальность картины.

ОКСАНА (выходит из купе в спортивном костюме и шлепанцах, идет к Инге, легонько трясет за плечо). Эй? Эй?! Чё ж вы тут сидите 20 минут. Уснули? Задумались?

ИНГА. Задумалась.

ОКСАНА. О чем?

ИНГА. Как странно устроена жизнь. Между двадцатью и двадцатью тремя годами - в первом браке - я дважды делала аборт.

ОКСАНА. Бр-р-р-р-р-р-р-р-р...

ИНГА (кивает). Черное слово. (Пауза). Между тридцатью пятью и сорока годами семь раз делала ЭКО.

ОКСАНА. И что?

ИНГА. Не забеременела ни разу!

ОКСАНА. Почему?

ИНГА. Не знаю.

ОКСАНА. Может, у вас что-то не так?

ИНГА. Все у меня «так»! Очень даже «так».

ОКСАНА. А у мужа?

Тут из-за левой кулисы выходит на сцену Сазонов. В том же рыбацком костюме, длинных сапогах, со спиннингом в руках.

САЗОНОВ (смачивает леску, потом забрасывает блесну за сцену). И у меня все «так». В первом браке остались два крепких уже взрослых пацана. Сейчас в Англии. Оба. Изучают право.

ОКСАНА (Инге). Так в чем же дело?

ИНГА. Дело в том, что в чреве моем оплодотворенная мужем яйцеклетка категорически не желает развиваться.

ОКСАНА. Я не много в этом понимаю. Вообще, бывает так: чтоб семь раз, и ничего?

ИНГА. Смотрите на меня. Бывает.

ОКСАНА. Может дело в физиологической... как это...

ИНГА. Несовместимости?

ОКСАНА. Да.

ИНГА. Все что осталось из объяснений. Я пыталась забеременеть – делала ЭКО - сначала в Англии, потом в Швейцарии.

ОКСАНА. Ого?

ИНГА. Еще в Германии. Наконец, нашла хорошую клинику у нас.

ОКСАНА. В Петербурге?

ИНГА (кивает). И вот на пятой или шестой попытке сошлась довольно близко с врачом - эмбриологом.

ОКСАНА. Который соединяет мужские и женские... организмы?

ИНГА (кивает). Мужские сперматозоиды с женской яйцеклеткой.

ОКСАНА. Точно.

ИНГА. Вы совсем не сведущи в этом вопросе.

ОКСАНА. Да. Я, наверно, в кремах, эротическом белье специалист.

ИНГА. Радуйтесь.

ОКСАНА. Слушайте, но если с мужем не получалось до сих пор, есть донор? Можно же попробовать?.

САЗОНОВ (отвлекаясь от удочки, сматывая ее, чтобы забросить снова). Что значит: «попробовать»?! Черную икру можно попробовать. Коньяк попробовать. А когда муж в командировке, а жена с соседом, это не пробы. Это, извините меня... (разводит руками, кивает; залу). Вот именно!

ИНГА (Оксане). Так вот.

ОКСАНА. Ситуация.

САЗОНОВ. Никакая это не «ситуация». Я – здоровый крепкий мужик. Я – уникальная тысячелетняя эволюция моих предков: бабушек, дедушек, дядьев, теток до... Бог знает! Сотого колена. И я достаточно здоров для того, чтоб выплеснуть из себя! Именно из себя! Это маленькое, новое чудо. В котором будут черты мои, моего отца, моей матери, и деда, прадеда!

ОКСАНА. Ситуация.

САЗОНОВ. И «ситуаций» никаких не надо! И проб с донором не надо! Пока я здоров, как бык! И еще в силе! (Показывает через куртку бицепсы).

ИНГА (Сазонову, едва не плача). Мишенька. У тебя два взрослых сына! Им по 25 лет. А у меня никого! Мне сорок! Сорок!!

САЗОНОВ. У тебя есть я.

ИНГА. Ты не мое продолжение.

САЗОНОВ. А кто я?

ИНГА. Прости Мишаня, сейчас пузатая, самодовольная жаба, алчущая скользких пескарей.

САЗОНОВ (залу). Сосны шумят. Не расслышал.

ИНГА. И не думающая о счастье собственной жены ни на йоту!

САЗОНОВ. Койоты? Откуда здесь койоты? (Снова забрасывает удочку).

ИНГА (Оксане). Иногда Мишаня позволяет себе шутить! На эту тему.

ОКСАНА. Мужчины.

ИНГА. Теперь я знаю точно. Есть в жизни вещи, которые надо совершать не по велению здравого смысла! А вопреки ему.

ОКСАНА. Это какие ж вещи?

ИНГА. Деторождение, например. Забеременела в двадцать два, рожай. Не слушай дьявольский голос ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА: ты выучись сначала. Сделай хоть чуть-чуть карьеру, ты разберись с замужеством, квартирой, машиной... И потом..!

ОКСАНА. Эт, точно. Хотя, можно ведь ребенка из детдома взять?

ИНГА (качает головой). Тут я всецело на стороне вот этой цапли - рыболова.

ОКСАНА. Кого?

ИНГА. Супруга моего. (Указывает в сторону Сазонова).

ОКСАНА. Почему?

ИНГА. Можешь сама, хоть на йоту. На малость самую! Рожай. Истинная радость женщины в своем живом продолженьи. В СВОЕМ. ЖИВОМ. И ТОЛЬКО. Помните, я начала рассказывать о враче эмбриологе?

ОКСАНА. Помню.

ИНГА. Месяц назад мы сидели с Эллой в ее кабинете. Пили вино, которое я принесла.

ОКСАНА. По случаю?

ИНГА. Очередной неудачной попытки ЭКО.

ОКСАНА. Седьмой?

ИНГА (кивает). Седьмой. Вино развязало женские языки, мы с Эллой о чем только не говорили. Она стала рассказывать о своей подруге. Давно, когда об ЭКО никто не слышал...

ОКСАНА. В прошлом веке?

ИНГА. Или раньше... Ее подруга не беременела, десять лет. Потом три выкидыша, внематочная. У мужа, ко всему, плохие гены: брат эпилептик, дед алкоголик, у кого-то гемофилия. В тридцать шесть подруга Эллы полетела в Крым. Лечиться.

ОКСАНА. От чего?

ИНГА (пожимает плечами). От бесплодия. (Пауза). Вернулась. В тот же месяц забеременела. Родила мальчика, теперь ему двадцать шесть. И тут я увидела слезы.

ОКСАНА. Чьи слезы?

ИНГА. Элла плакала. Совсем не по-женски. Скупно. Незаметно. И смотрела на фотографию сына. Рамка девять на двенадцать. На ее столе.

ОКСАНА. Понятно.

ИНГА. Муж подруги, кончила Элла историю, умер от инфаркта через шесть лет. А сын живет. И счастлив.

ОКСАНА. Счастлива Элла..?

ИНГА (с улыбкой). Да.

Долгая пауза.

ОКСАНА. Но Ваш-то муж. Он умный человек. Он должен вас понять. Почему Вы не поговорили с ним начистоту?

ИНГА (после долгого раздумья). Я не решилась. Есть в семье темы, которые не обсуждают.

ОКСАНА. Почему?

ИНГА. Они понимаются не с полуслова даже... С полувздоха. Есть слова, которые в семье не произносят вслух. Их говорят глазами.

ОКСАНА. Не понимаю.

ИНГА. Мой Миша слишком черствый, слишком грубый человек, чтобы прочесть хоть что-то в моих глазах.

САЗОНОВ (Оксане). Почему «черствый»? Почему «грубый»? Что ж я бесчувственная сволочь? Не вижу, как она мучается? Её бессонные ночи! Её сумасшествие с этим проклятым ЭКО...

(подсекает спиннинг). Черт, сорвалась! (Залу). Я теперь про женскую яйцеклетку знаю больше, чем, про свою... (подсекает еще раз) чем про свою лысину! Ох, рыбища сорвалась! Да! Чем про свою лысину! (Подергивает спиннинг). На которую вынужден пятнадцать лет смотреть каждое утро. Я боюсь, Инга скоро сойдет с ума!

ОКСАНА. Вы должны ей помочь!

ИНГА (Оксане). Что Мишаня говорит?

ОКСАНА (Инге жестом: погодите).

САЗОНОВ (Оксане). Я уже хочу, чтоб она забеременела... (долго ищет слова, удилище дрожит в руках) любым доступным ей способом! (Дергает удилище). Черт! Опять сорвалась.

ОКСАНА. Что значит: «любым»?

САЗОНОВ. То и значит!

ОКСАНА. Не поняла?

САЗОНОВ. Да все вы поняли. И тут (смотрит в зал) все! Всё! Поняли!!! (Пауза) Только...

ОКСАНА. «Только»?

САЗОНОВ. Я НИЧЕГО НЕ ХОЧУ ОБ ЭТОМ ЗНАТЬ. НИ СЕЙЧАС. НИ ПОТОМ. НИКОГДА.

ОКСАНА. То есть...

САЗОНОВ (подсекает еще раз. Радостно). Да ну Вас к черту, когда клюет же! Клюет!!! (Бешено сматывает леску, водит спиннинг, убегает за кулису).

ИНГА. Вот так...

ОКСАНА. Мужчины.

Пауза.

ИНГА. В общем, пятнадцать дней назад я собрала чемодан и полетела в Воронеж.

ОКСАНА. Почему в Воронеж?

ИНГА. Под Воронежем у озера живет моя университетская подруга.

ОКСАНА. А еще.

ИНГА. Рядом большая спортивная база футболистов.

ОКСАНА. А еще?

ИНГА. От дома очень-очень далеко.

Затемнение.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Шум ветра, всплеск волн, поют цикады, «на небе» звезды и яркая южная луна. Вагона нет. Инга идет от кулисы с маленьким стульчиком, раскладывает его, садится. Появляется молодой человек 18-20 лет. Восторженный, влюбленный провинциал.

РУСЛАН (взволнованно). Здравствуйте, Инга.

ИНГА. Руслан.

РУСЛАН. Вы р-р-раньше меня пришли. Давайте на «ты».

ИНГА. Попробуем. Как день?

РУСЛАН. Тренировка. Мяч туда, мяч сюда.

ИНГА. Содержательно?

РУСЛАН. О-о-ч-ч-чень. Мне тренер мяч, а в голове стихи.

ИНГА. В чьей голове?

РУСЛАН. В моей. И тренер мне: чего ж ты, с...

ИНГА. Вот этого не надо.

РУСЛАН. Потом, минут так через 20, я пас! Мяч в огороды. Мне тренер: куда ж ты lupишь ж-ж-ж...

ИНГА. И этого не надо!

РУСЛАН. Всю ночь думал о тебе. Весь день.

ИНГА. Я польщена.

РУСЛАН. Как?

ИНГА. Мне приятно.

Тут звонит мобильный телефон. Трезвонит, не смолкая.

Я без телефона.

РУСЛАН. Да. Эт мой. (Достает из кармана телефон. Отвечает раздраженно). Нет. Нет! Не могу сейчас! (Инге). На минуту. (Бросается в сторону). Нет! Не сказал. Еще скажу! (Возвращается к Инге, становится за спиной). Поговорил. (Прячет телефон в карман).

ИНГА. Вы женаты, Руслан? Признайтесь, есть девушка?

РУСЛАН (истощно). НЕ-Е-ЕТ!

ИНГА (от испуга вскакивает). О, господи.

РУСЛАН. Ты когда-нибудь влюблялась до умопомрачения. До срыва башки?! Чтобы хотелось летать-летать-летать! Вдвоем!

ИНГА. Все так влюблялись. Наверно.

РУСЛАН. Что значит: «наверно»?!

ИНГА. Ну, влюблялась.

РУСЛАН. Что значит: «ну»?

ИНГА. Руслан, вы странный. «Ну» - значит: «ну»!

РУСЛАН. Как у тебя это было?

ИНГА. Не помню.

РУСЛАН. Вспомни!

ИНГА. В 15 лет. Школьная дискотека. Рыжий длинноволосый мальчик из параллельного класса. Большие восточные глаза. Мы танцевали. Он прижимался ко мне. Я к нему.

РУСЛАН. А любовь?

ИНГА. Что? (Пауза). Потом мы ходили в кино, прогуливали школу, сидели в зале, где не было зрителей, тискались все полтора часа.

РУСЛАН. А любовь?

ИНГА. Через год мы поругались. В двадцать он женился и, кажется, занялся производством соков.

РУСЛАН. А любовь?

ИНГА. Не знаю, что сказать.

РУСЛАН. Как ты перенесла это... в общем, расставанье?

ИНГА. Поплакала в подушку.

РУСЛАН. Ну, а...

ИНГА. Любовь?

РУСЛАН. А чувства?

ИНГА. Руслан. Идемте ко мне?

РУСЛАН (истерично). А любовь?

ИНГА. О, господи!

РУСЛАН. Я все решил. Это нельзя сразу. Чувства надо выстрадать! Я всю ночь, весь день писал стихи! И даже песню.

ИНГА (в сторону). Только не сейчас. (Руслану). Читайте же! Поэт!

РУСЛАН. С духом соберусь. Чуть погода. Я занимался танцами.

ИНГА. Танцами?

РУСЛАН. Бальными. Могу я пригласить тебя на танец? (Хватает Ингу. Начинает танцевать).

ИНГА. Мой кабальеро, пламенный! А музыка?

РУСЛАН. Да-да. Я ж записал. (Отстраняется от Инги, достает телефон).

ИНГА. Плеер?

РУСЛАН. Я в телефон записал. (Проделывает быстрые манипуляции. Возникает танго. Телефон прячет в карман. Влечет Ингу к себе).

ИНГА. Изобретательно. (Уже танцуют). Но можно было плеер, то есть телефон, на стульчик положить.

РУСЛАН (лезет в карман). Сейчас.

ИНГА Нет-нет. Танцуйте, кабальеро! (Руслан наступает на пятку. В сторону). Ох-х-х, нога!

Тут музыка обрывается.

Это все? (Останавливается).

РУСЛАН. Представь себе, заело! (Крепко бьет себя по карману ладонью. Музыка появляется снова). Танцуем.

ИНГА. Оригинально. Кабальеро. Где вы учились танцевать?

РУСЛАН. Здорово танцую?

ИНГА. Волшебно! (В сторону). Бедные ступни. Бедная спина. (Руслану). Так, где Вы учились танцевать?

РУСЛАН. *Еси* честно, в интернете.

ИНГА. Кто первая партнерша?

РУСЛАН. Полгода швабра. Два месяца ведро.

ИНГА (залу). Я третья. В блистательном ряду!

Снова обрывается танго.

РУСЛАН. Вот, зараза! (остервенело бьет себя по карману. Снова играет танго). О-п ля!

ИНГА. Без цыганщины! Руслан!

РУСЛАН. Я хорошо веду? На ногу не наступил?

ИНГА. Почти ни разу.

РУСЛАН. Шо значит: «почти».

ИНГА. На втором шаге я потеряла шлепанец.

РУСЛАН. Чё, оторвал?

ИНГА. Конечно.

Музыка смолкает.

Опять?

РУСЛАН. Где он, твой шлепанец?

ИНГА. Там. (Указывает в сторону).

РУСЛАН (идет по сцене, смотрит под ноги). Нашел. (Поднимает). Оно?

ИНГА. Кажется, он?

РУСЛАН. Точно, порвал. (Идет к Инге). Дай, второй.

ИНГА. Наверно, пожалуйста?

РУСЛАН. Ну, дай, «пожалуйста».

ИНГА (снимает с ноги, дает). Зачем?

РУСЛАН (разглядывает оба). Воронежский рынок на Студенческой. 300 рублей пара. Угадал?

ИНГА. В точку!

РУСЛАН (бьет себя по голове). Череп! Мозг!

ИНГА (залу). Бутик «Кристиан Лабутан». Париж. 600 евро.

РУСЛАН. В километре от лагеря живет Михал Палыч. Запойная пьянь. Но обувщик от бога. Все му лагерю бутсы подшивает, клеит. Эти *тож* зашьет. (Берет сланцы, прячет их под резинку плавок, за поясницей). А куда?

ИНГА (пожимает плечами, залу). А куда?.

Телефонный звонок.

РУСЛАН. Я сейчас. (Отходит). Чего ты звонишь каждые полчаса. Не сказал еще! Не спел! Не знаю! (Возвращается).

ИНГА. Руслан, с кем вы все говорите? С девушкой?

РУСЛАН. С сестрой. Решился!

ИНГА. На что «решились»?

РУСЛАН. Стихи читать! Петь.

ИНГА. Читайте ж. Пойте! Мой поэт.

РУСЛАН. Только они длинные.

ИНГА. Я подожду, пока не кончатся. (Вздыхает). Дослушаю.

РУСЛАН (становится в позу «памятник поэту», начинает петь).

«... Уютное кафе, дождливый вечер

Я жду тебя дрожь пальцев не унять...» (Вдруг падает на одно колено). Да бес с *йими*, со стихами. Выходи за меня замуж!

ИНГА ???

РУСЛАН (чудовищной скороговоркой). Я приеду в Питер, ты выйдешь за меня замуж! Я буду играть за Питерский «Зенит». Ты на трибуне будешь кричать: «Русик! Бей!»

ИНГА. Русик?

РУСЛАН. Так кричит мама.

Пауза.

ИНГА. Но это невозможно.

РУСЛАН. Чё ж невозможно?! А любовь?

ИНГА. Прежде женитьбы, надо узнать друг друга.

РУСЛАН. А любовь?

ИНГА. Иногда узнавание длится... мучительно долго!
РУСЛАН. Так ведь узнали.
ИНГА. За три вечера, два дня?!
РУСЛАН. Но ежли это настоящая любовь?
ИНГА. Руслан, что можно знать в семнадцать лет о настоящей любви? Когда я в тридцать поняла, что значит это слово!
РУСЛАН. Мне восемнадцать.
ИНГА. Что?
РУСЛАН. Мне восемнадцать!
ИНГА. И..?
РУСЛАН. Чё ж мне терь двенадцать лет выжидать, до тридцати?
ИНГА. (Вздыхает. Пауза).
РУСЛАН. Я приеду к тебе; нет, мы уедем с тобой. Мы заберемься ночью на крышу Эрмитажа! Нет, на шпиль этой, как её... Петро... (мучительно вспоминает) Павловской колокольни!
ИНГА. Крепости?
РУСЛАН. Да.
ИНГА. Не заберемься.
РУСЛАН. Почему?
ИНГА. Там ночью по периметру дежурят снайперы.
РУСЛАН. Зачем?
ИНГА. Отстреливают лезущих на купол.
РУСЛАН. Зачем?
ИНГА. Чтoб не сдирали башмаками золото сусальное.
РУСЛАН. Откуда?
ИНГА. С купола! (В сторону). Русик! Мой!!
РУСЛАН. Я затащу туда священника и там, на шпиле, женюсь на тебе. С венчаньем!
ИНГА. Не «на шпиле»! Надо говорить: на шпиле.
РУСЛАН. На шпиле, на шпиле... Какая разница. Ежли это любовь?
ИНГА. Руслан, какая, к дьяволу, любовь, когда мне сорок, вам нет и двадцати?!
РУСЛАН. Пять дней только о тебе думаю. Ложусь – думаю. Просыпаюсь – думаю. Дышу – думаю. С мячом – думаю... Даже без мяча! Думаю.
ИНГА. Но, может, это юность. Может, страсть?
РУСЛАН. Юность. Страсть. Сорок. Восемнадцать. (Пауза). Ну, а любовь?!
ИНГА. Ну, а Тартюф?!¹
РУСЛАН. Не понял?
ИНГА. Это для понимающих! Руслан, я замужем! Поймите ж, наконец!
РУСЛАН. Ну, а любовь..? (Пауза. Ополоумел). Кто он?! Твой муж?
ИНГА (испуганно). Человек. (Отступает на два шага назад).
РУСЛАН (наступает). Как зовут?
ИНГА. Да какая ж вам разница!
РУСЛАН (истерично). Как зовут?!
ИНГА. Миша. Михаил.
РУСЛАН. Засада! Так и знал. Засада!! Так и знал!!! (То ли дышит тяжело, то ли всхлипывает).
Пауза.
ИНГА. Мне понравились ваши стихи. (Вздыхает)
РУСЛАН. Все-таки, женщина, алчущая любви, должна быть свободна!!
ИНГА (в сторону). Возрастное? Или до могилы? (Руслану). Мне понравились недавние стихи!
Русик.
РУСЛАН. Да, мама?
ИНГА. Что?!
РУСЛАН. Да, Инга.
ИНГА (устало вздыхает). Я хочу, чтобы вы их закончили.
РУСЛАН. Сейчас. Токо соберусь.

¹ Реминисценция. Первое действие, пятое явление комедии Мольера «Тартюф». Оргон и Дорина.

ИНГА. Соберитесь. И, пожалуйста, верните на стульчик шлепанцы мои.

РУСЛАН. Конечно. (Кладет шлепанцы на стульчик, снова становится в позу «памятник поэту». Закрывает глаза).

*«... Зимними, холодными ночами
Ты будешь класть мне голову на грудь
Рассказывать о всех своих печалях
И долгим будет к старости наш путь.*

*И будет дочь с твоею красотой
И дом и сад у маленькой реки
С кольцом в ладони на коленях стоя
Я трепетно прошу твоей руки!»*

(Пауза). Инга! Инга! Когда ж мы полетим в Санкт-Петербург?

Руслан закрывает глаза, читает стихи, поет. Инга собирает стульчик, на цыпочках спешит к кулисе, потом дважды пробегает по сцене босиком. Свет исчезает. Руслан во тьме кончает песню, зовет Ингу.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Возникает свет. Такой же бледно-желтый, как в двух предыдущих картинах. Снова шум волн, накатывающих на берег. Снова поют цикады, ночь, луна. Появляется Инга с прежним стульчиком в руках.

ИНГА. Через три дня я снова пришла к озеру. Смотреть на луну и звезды. (Раскладывает стульчик, садится). Шлепанцы мне кое-как починили. Дома выброшу их.

Появляется молодой человек с сумкой через плечо. На вид 25 лет. В стильных брючного кроя, шортах, модной рубашке. Самоуверенный мачо. Полная противоположность Рудольфу.

СЕРЖ. Привет, Инга.

ИНГА. Здравствуйте, Сергей.

СЕРЖ. Зови меня: Серж. (Бросает на сцену спортивную сумку, садится рядом с Ингой). И на «ТЫ».

ИНГА. Ладно.

СЕРЖ. Закончилась тренировка, сразу к тебе.

ИНГА. Тренировка?

СЕРЖ. Я же тренер по фитнесу. Забыла?

ИНГА. Действительно. Работа нравится?

СЕРЖ. Работа, как работа. Сама чем занимаешься?

ИНГА. С собой. В основном. По профессии журналист.

СЕРЖ. Пишешь?

ИНГА. Не пишу. Давно-о-о-о не пишу.

СЕРЖ. Почему?

ИНГА. Ужасная профессия. Не моя.

СЕРЖ. На озере потрясно.

ИНГА (кивает). Хорошо.

СЕРЖ. Раньше не спросил: отдыхаешь на базе?

ИНГА. Отдыхаю.

СЕРЖ. Сколько уже?

ИНГА. Полторы недели.

СЕРЖ. На днях ты гуляла у причала. Зеленый сарафан, экстравагантные *сандалии*...

ИНГА. Было.

СЕРЖ. Я специально проехал дважды мимо причала. Ты казалась такой... (подыскивает слово) прости, сексуальной!

ИНГА. Это вышло случайно.

СЕРЖ. Прям, модель.

ИНГА. Так это вы катались на красных роликах? В шлеме, налокотниках?

СЕРЖ. Я.

ИНГА. Здорово гоняли.

СЕРЖ. На роликах с двенадцати лет.

ИНГА. Вы меня откровенно разглядывали. Я с причала ушла. А уходить не хотелось.

СЕРЖ. Я тоже тебе понравился? (Играет мускулами, трясет правым-левым плечом).

ИНГА. Понравились.

СЕРЖ. Слушай, чего ты все: вы, вы?

ИНГА. Быстро перейти на «ты» не умею.

СЕРЖ. Ладно, извини. Хочешь, я тебе сделаю массаж ступней? (Властно берет в руки женскую ступню, снимает шлепанец, начинает делать массаж). Это жутко эротично.

ИНГА (пытается вырвать ногу из мужских рук). Думаю, рановато. Для эротики?

СЕРЖ. Ладно. Всего лишь, массаж. (В сторону). Наверняка, приехала с мечтой о крепком жеребце!

ИНГА. Серж, у вас очень сильные руки.

СЕРЖ. Спорт – мое ремесло. Я хороший массажист.

ИНГА. Скажите, в вашей семье все такие крепкие? Все спортсмены?

СЕРЖ (с сарказмом). Да уж, все. Папашу не знаю. Говорят, тот еще был крепыш. Бросил мать, я не родился. Она была на седьмом месяце. Сошелся с какой-то шалавой. Тощей. Однажды выпили вдвоем водки дешевой. Полведра. Она ослепла. Он загнулся. (Пауза). Быстро и легко взял свою ПОСЛЕДНЮЮ высоту. Спортсмен. Брат младший - тоже здоровяк. (Вздыхает). Третий год в тюрьме.

ИНГА. За что сидит?

СЕРЖ. За правду.

ИНГА (вздыхает). Следовало догадаться. Серж, пожалуйста, отдайте мою ногу.

СЕРЖ (игриво). Не отдам.

ИНГА (настойчиво). И все же!

СЕРЖ (отпускает, резко встает). А пойдем купаться?

ИНГА. Не сейчас.

СЕРЖ (в сторону). Зачем я здесь? Я ведь пришел сюда, сижу с ней (кивает головой в сторону Инги). А радости никакой. И никакого желания. Я ведь пришел мстить той, что бросила меня! МЕНЯ БРОСИЛА!! Две недели назад. (Подходит к Инге). Хочешь, я отнесу тебя к воде! (Вырывает из кресла, взваливает на плечо).

ИНГА (со смехом). Отпустите меня, Серж. Поставьте!

СЕРЖ. Не отпущу! (Кружит с Ингой по сцене).

ИНГА. Я буду вынуждена укунить Вас за шею. Больно!

СЕРЖ (сажает Ингу на сцену). Ладно. Песок сырой, прохладный?

ИНГА. Еще теплый.

Пауза

СЕРЖ. Когда ты стояла на причале, два дня назад, платье развевалось на ветру...

ИНГА. Это была туника.

СЕРЖ. Не важно! Мне захотелось подкатить на роликах. Схватить тебя. И с тобой причала!

ИНГА. Зачем?

СЕРЖ. Просто так. От безумья. Не все в жизни надо делать от ума! Кое-что от безумья.

ИНГА. Наверное...

СЕРЖ. У меня была девушка. Женщина. И на днях... Две недели назад. Мы расстались.

ИНГА. Почему?

СЕРЖ. Потому что я обычный инструктор по фитнесу. Просто инструктор. А она замужем. (В сторону). И ее муж – жирный и старый. Хозяин мебельной фабрики. Трех фабрик. А я простой спортсмен. Я никто. Он мебель всей стране продает. Я никто! Я знал, всегда знал, что так будет. С самого начала знал. Но почему на душе так паскудно? Почему?

ИНГА. Серж, быстро-быстро говорите. Я не понимаю. И не слышу.

СЕРЖ. А чё тут слышать-понимать? Этого не надо слышать. (В сторону). Как же я всех вас, шлюх порочных, ненавижу. У меня давно веры нет в нормальную женщину. Чего ж так жжет и жжет внутри. (Инге). У тебя, конечно, есть муж?

ИНГА (холодно, сухо). Есть.

СЕРЖ. Чем занимается. Сколько лет?

ИНГА. А вам зачем?

СЕРЖ. Так, просто. (В сторону). Ну, чё ж так паскудно на душе. Я теперь, когда стану трахать всех этих подержанных шлюх, и молодых тоже, буду представлять себе: вот она стонет подо мной, извивается, а где-то пыхтит зарабатывает тысячи или миллионы ее потный олень. Он там, думает: вернется домой моя олениха, какой бы ей сделать подарок? А олениха кувыркается в моей постели. Тебе, рогатому, уже подарок сделала. И рога твои такие, что ты ни в одну машину с ними поместится не должен. Ни в одну дверь своего офиса влезть не должен. (Вздыхает. Короткая пауза). Только я все это со зла говорю..? Потому что ОНА МЕНЯ БРОСИЛА!

ИНГА. Отчего замолчали?

СЕРЖ. Все думаю. Что бы сотворить такого... Лихого. Слушай, наверно, муж твой – бизнесмен? Много зарабатывает?

ИНГА (раздраженно). Да зачем вам знать?

СЕРЖ. Точно. Дурацкий вопрос. (В сторону). Вот у меня нет Бентли, И Мерседеса нет. Машины вообще нет. Но есть классный велосипед. И я люблю свой велосипед. И как-то раз, года два назад ехал я на велосипеде. А рядом проезжала на Бентли ОДНА МРАЗЬ. И наплевать ей было на лужу. На меня наплевать, на мой велосипед. И через мгновение вся лужа на мне. Хоть не ездишь больше в дождь. Но езжу я по любой погоде. Потому что люблю. И он, этот олень, даже не заметил, что облил меня. От пяток до бровей. А, может, посмеялся надо мной, подонок, и поехал дальше. Но в тот же вечер я трахал его жену. Не раз. Не два. До изнеможения. И думал тогда олень и до сих пор думает, что это ОН хозяин жизни. Но не знал, что трахал его жену в тот вечер я. И сын, которому тогда исполнилось полтора года, на самом деле мой. И вот оно было – удовольствие. Истинное. Покруче сексуального! Но две недели назад эта дрянь, жена оленя, бросила меня. И прет из меня желчь, как из рыбы икра! И я теперь всех вас - порочных шлюх - ненавижу. А на самом деле я другой. Я простой инструктор по фитнесу. И я люблю эту дрянь до сих пор. Но она меня бросила. И я сюда пришел мстить. Ей мстить. Но я не мститель. Я обыкновенный инструктор по фитнесу. И мне больно, мне так паскудно и невыносимо! От того, что меня бросили! (Инге). А пойдём, все ж, купаться? (Вскакивает).

ИНГА (во время длинного монолога Сержа встает, идет к своему креслу, садится). Серж. У меня нет купальника.

СЕРЖ. Давай нагишом. Это же здорово.

ИНГА. Рановато. Нагишом.

СЕРЖ. Лучше рано, чем поздно. Еще хуже: никогда. (Снимает с себя майку, бросает на сцену. В сторону). Как я хотел бы рассказать ее мужу о нашем с ней романе. Но для меня это была любовь! Настоящая! До смерти! Никакой не роман. Как бы я хотел рассказать ему о нашей с ней любви! Только триумфа не выйдет. Ее муж – страшный человек. Как не боялась она изменять ему со мной? Так долго! Если он узнает о нашем романе, триумфа у меня будет ровно одна минута. Может быть, три. А потом представят меня к ордену «Правды». Посмертно. И дрянь эту вместе со мной. И, не дай бог, сына моего туда же. Только кто ж теперь поручится за то, что он мой? Наш с ней сын? Его мать, стерва, увлеклась лошадами. И теперь у нее новый любовник – тренер по выездке. Лошадник, в общем. Сволочь! (Инге). Слушай, у тебя есть какое-нибудь заветное сексуальное желание. Эротическая фантазия? Тайная-тайная? Может, из детства?

ИНГА. Никогда об этом не думала.

СЕРЖ. А у меня есть.

ИНГА. Какая?

СЕРЖ. Мы, когда бегали пацанами во дворе, старые сидельцы...

ИНГА. Сидельцы – это кто?

СЕРЖ. Те, которые всю жизнь по тюрьмам. Так вот они рассказывали: если женщина полногрудая, можно ей в грудь влить через шприц двести грамм вина. Или коньяка. А потом во время секса выпить. Интересно, ощущения как?

ИНГА. Не интересно.

СЕРЖ. А мне до сих пор интересно. (Снимает с себя шорты. В сторону). Зачем спросил? Я ведь тыщу лет не вспоминал об этой гадости? Дурак. (Вздыхает). Как же я ее люблю! До сих пор. И как же ее ненавижу! Утону сейчас, не пожалею! (Уже совсем снял шорты. Бросает их у края левой кулисы. Инге). Догоняй! (Скрывается за кулисой).

Инга встает, берет сумку, майку, шорты Сержа, бросает за кулисы, собирает кресло, идет в глубину сцены. Останавливается. Возникает сильный рвотный позыв.

ИНГА (вытирает рот краем халата). Полагаю, это ужин. (Делает два шага).

Снова рвотный позыв.

(вытирает кончиками пальцев рот). Надо думать, это ночь.

Силуэт Инги растворяется во тьме.

Шум приближающегося поезда. Возникает прежний свет первых картин. Коридор вагона, шестое купе. На откидном стульчике спит Инга. Рядом Оксана.

ОКСАНА (трясет Ингу за плечо). Эй! Да, проснитесь! Наконец! Идите в купе.

ИНГА. Не пойму: я спала или нет?

ОКСАНА. Как же нет, когда я вас три минуты бужу.

ИНГА. Надо же. Ничего не говорила во сне? (Встает). Санаторий, подруга...?

ОКСАНА. Ничего не говорили. Спали крепче медведя в берлоге.

ИНГА. Спасибо, что разбудили (встает). В купе. Спать, спать, спать...! (Пропускает Оксану, закрывает дверь).

Затемнение.

КАРТИНА ШЕСТАЯ.

Открыта дверь в шестое купе. Марк стоит спиной к залу, колдует над столом. С одной стороны сидят Инга, Оксана. У Оксаны все время в руке мобильный телефон. И в этой картине и дальше. Волков напротив.

МАРК. Так, так, так, и вот так... Все теперь открывают глаза. Ап! (Срывает салфетку, садится рядом с Волковым. Залу виден стол, ломящийся от снеди).

ОКСАНА (изумлена). По какому поводу!?

МАРК. Сегодня у меня день рождения. 38 лет.

ИНГА. Поздравляю. Простите, без подарка.

ОКСАНА. Тоже поздравляю!

МАРК (Волкову). А вы?

ВОЛКОВ (холодно). Поздравляю.

МАРК. Предлагаю, еще раз познакомится. Забыл имена. (Смотрит на Оксану). Марк.

ОКСАНА. Оксана.

МАРК. Мы с вами не виделись раньше? Черты лица. Что-то из прошлого...

ОКСАНА. Не виделись.

МАРК. Чем занимаетесь?

ОКСАНА (пожимает плечами, снимает с крючка сумочку, достает визитку, протягивает Марку).

МАРК (достаёт бумажник, вытаскивает купюру, даёт проводнику). Что еще?

ПРОВОДНИК (ловко выхватывает купюру, прячет в карман). Мать при смерти.

МАРК. Еще?

ПРОВОДНИК. Дом недостроен. Пятый год. Кирпич с крыши валится. Детям-крохам чуть не по башке.

Марк даёт проводнику еще купюру.

Голова, она ведь одна, а его много.

МАРК. Кого много?

ПРОВОДНИК. Да, кирпича же. Кирпича.

МАРК. Еще что?

ПРОВОДНИК. В прошлом *годе* озеро в деревне обмелело, карп ушел. Бывало с братом сетку бросишь... Ночь костерок, водочка, звезды... Теперь ни чёрта. Ни рыбы, ни звезд.

МАРК. Карпа в твоё озеро вернуть... Денег в моем кошельке не хватит. Все!

ВОЛКОВ. Извините, за чай сколько с меня?

ПРОВОДНИК. Сто рублей. (Ловит удивленный взгляд Волкова). Тридцать пять рублей.

ВОЛКОВ. Возьмите. (Марку). Простите. Не готов изменить принципам. За себя всегда плачу сам.

ПРОВОДНИК (берет деньги у Волкова). Да, тридцать пять рублей. (Прячет мелочь в карман. В сторону). С этого хошь шерсти клоч. (Марку). Напоминаю: билеты в ваш вагон не продают. Один я на два вагона. Но ежли чё надо...

МАРК. А «штифты в колене»? «Ревматизм»?

ПРОВОДНИК. Ничего так не лечит ревматизм проводника, как щедрые чаевые.

МАРК. Сильно.

ПРОВОДНИК (уходит). Зовите, ежли что, проводника. (Исчезает за правой кулисой).

МАРК (Инге). Инга, вам говорили: в чертах вашего лица есть что-то аристократичное?

ИНГА. Говорили много всякой чуши.

МАРК. Попробуйте вот эту штуку. Попробуйте!

ИНГА. Марк, суфле предпочитаю есть теплым.

МАРК. Восхитительная женщина. (Оксане). Оксана, Вы, попробуйте.

ОКСАНА. Я попробую. (Кладет себе в тарелку суфле, ест).

МАРК. Черт, ну где же я вас видел. И вот дурацкий вопрос! Который мучит меня с утра. Все мы, кажется, люди не бедные. Современные. Могли бы лететь самолетом. А едем поездом. Почему?

ИНГА (берет со стола чай). Вы у меня спрашиваете?

МАРК. И у вас.

ИНГА. Муж всю ночь умолял меня ехать поездом. Муж уверен: у него дар предвиденья.

ВОЛОВ. Послушали мужа?

ИНГА. Послушала. Сдала билет. А самолет без всяких историй прилетел в Петербург.

ВОЛКОВ. Зачем же слушать мужа, когда он говорит глупости?

ИНГА. Он не всегда «говорит глупости». Однажды это спасло нам жизнь.

ВОЛКОВ. Простите.

МАРК. А, вы, Оксана не полетели почему?

ОКСАНА. *Тож* забавная история. Мой компаньон занимается благотворительностью. До сих пор не знаю подробностей. Какой-то «Негосударственный фонд» создает проекты, находит деньги, компаньон ведет часть проектов. (Нервно перекладывает из ладони в ладонь телефон).

ИНГА. В чем суть благотворительности?

ОКСАНА. Есть несколько интернатов, детских домов, которые раз в год проводят конкурсы красоты.

МАРК. По взрослому сценарию? Из одежды на теле: два блюда, ситечко. Бирка на руке. (Короткая пауза). Естественно, новорожденные!

ОКСАНА. Конечно, нет. Все прилично. Скромно. Это ж непростые дети. Задача: отвлечь их хотя бы на три дня от сиротства. И выявить одаренных детей.

ИНГА. Какого возраста?

ОКСАНА. Неважно. Любого возраста. Одаренных в математике, литературе. Физически одаренных. Помочь им устроиться дальше. Поучаствовать в судьбе!

ИНГА. Здорово.

МАРК. Слушайте, Оксана, Инга. Все это оч-ч-чень интересно. Давайте налью шампанского. День рождения! Сиротские дети. Дорога долгая...

ОКСАНА. Даже не знаю.

ИНГА. Точно воздержусь.

МАРК (Волкову). А Вы, молчун. Принципиальный?

ВОЛКОВ. Воздержусь тем более.

МАРК. Я так и думал.

ВОЛКОВ. Рад. Что оправдал. Ваши ожидания.

МАРК (машет рукой). Дамы. Вам налью. Берите. (Встает, открывает шампанское). Оксана, бросьте свой телефон!

ОКСАНА. Простите. С утра не могу дозвониться другу. Аж страшновато как-то...

МАРК. Ну, оставил где-то телефон. Может, потерял. (Выстреливает пробка из бутылки). Прошу прощения, барышни! Теряю квалификацию. (Наливает шампанское в бокалы. Оксане). Так что там, с детьми? Сиротами?

ОКСАНА. Да, да! (Берет бокал. Глоток вина). Классное шампанское.

МАРК. Пейте, Оксана, за мое здоровье.

ОКСАНА. На конкурсе я встретила девочку семи лет. Вылитая я! В далеком детстве. (Волнуется). Мама всю жизнь хотела, чтобы я стала балериной. (Два глотка шампанского). Танцевала в Большом. В Мариинке.

ИНГА. Все мамы балетных девочек этого хотят.

МАРК. Налью еще шампанского?

ОКСАНА. Даже не знаю.

МАРК (берет бутылку). Налью. (Наливает).

ОКСАНА. Я стала танцевать в четыре года. Потом Вагановская академия. Последние пять лет я была в классе лучшей! После академии меня зачислили в труппу Мариинки.

ИНГА. Ого!

ОКСАНА. Да! Мариинки. (Пауза. Снова пьет шампанское). Но продолжения у этой сказки не получилось.

ИНГА. Почему?

ОКСАНА. Балет с изнанки страшен. Жесток.

МАРК. Что произошло?

ОКСАНА. Всем классом мы отправились в кафе на Садовой. Праздновать окончание академии. Там мне в чай плеснули отраву. Я упала со ступенек лестницы. Травма позвоночника, перелом стопы.

ИНГА. Ужасно!

ОКСАНА. Со временем я встала на ноги. Крепкий организм. Но балета больше не было в моей жизни. И никогда уже я не смогу забеременеть. (Смахивает слезу со щеки, выпивает шампанское, весь бокал).

Долгая пауза.

ИНГА. Пожалуй, я счастливей Вас.

ОКСАНА. До сих пор не могу спокойно вспоминать эту историю. Вы, Марк, спросили: почему же я не полетела?

МАРК. Спросил.

ОКСАНА. Три дня смотрела в интернете на одну девочку. Росточка маленького. Худая прехудая. Попка на месте. Выворотность потрясная.

МАРК. Что такое: «выворотность».

ОКСАНА (показывает). Это когда ножки детские не вот так: ровно. Как положено. А вот так: в стороны. Балетный термин, долго объяснять.

МАРК. Не объясняйте.

ОКСАНА. И гибкость, и подъем, и музыкальность у малышки... Чудо из чудес. (Марку).
Налейте шампанского еще.

МАРК. Непременно. (Наливает. Инге). Пригубите? Холодная аристократка?

ИНГА. Воздержусь. (Оксане). И что же с девочкой?

ОКСАНА (вздыхает). Все у юного ангела замечательно. Природные данные... балерине каждой, дай бог. Вылитая я. В далеком детстве. Вылитая я! (Снова вздыхает). Но теперь еду в поезде. Вспоминаю свою страшную балетную жизнь. (Снова смахивает слезу со щеки).
Представляю и представляю эту девочку, крутящую фуэте. Все думаю: А надо ли?! НАДО ЛИ?!!
(Смотрит на Волкова)

ВОЛКОВ. Вопрос...

Пауза.

МАРК. Классная компания. Лев Александрович. Выпейте и вы, наконец, за мое здоровье?

ВОЛКОВ. Не сегодня. Скажите, Марк. На вашей визитке знаки. Логотипы. Это...

МАРК. Торговые марки холдинга.

ВОЛКОВ. Вот-вот. «Солнечная ферма – 2». Это Ваш брэнд?

МАРК. Мой.

ВОЛКОВ. В Петербурге он не представлен. Но в Новгородской области у нас дача. В окрестных магазинах продается колбаса, деликатесы вашей марки.

МАРК. Да, мы возим в Новгородскую область продукцию холдинга.

ВОЛКОВ. Раньше колбасы Ваши были хороши. Исключительно хороши.

МАРК. И что?

ВОЛКОВ. Сейчас мы их брать перестали.

МАРК. Почему.

ВОЛКОВ. Простите, существенно снизилось качество.

МАРК. Ну, договаривайте.

ВОЛКОВ. Если начистоту: ваши колбасы теперь отвратительны!

Долгая пауза. Тут громко звонит телефон.

ОКСАНА. Это мой! Простите, близкий друг. Важный звонок. (Выходит из купе, громко закрывает за собой дверь).

КАРТИНА СЕДЬМАЯ.

ОКСАНА. Рудик. Рудик. Рудольф. Ч-черт, сорвалось. Да, что ж у тебя с телефоном. Рудольф!! Зараза ты этакая. Ответь! (Проделывает разные манипуляции с телефоном). Так нужен сейчас! Нужен-нужен-нужен!

Тут появляется проводник.

ПРОВОДНИК (вкрадчивым голосом). Я это... Хотел предложить... Если есть желание...

ОКСАНА. Короче?!

ПРОВОДНИК. За небольшую плату.

ОКСАНА. Еще короче! Рудик! Рудольф!! (Снова и снова набирает номер).

ПРОВОДНИК. Пустуют в вагоне вашем (оглядывается) все купе. И если даме тесно, неудобно, так сказать, в шумном соседстве... можно... (жестом указывает на закрытую дверь).

ОКСАНА. Что «можно»? Да где же связь?!

ПРОВОДНИК. Переехать. Уединиться. За умеренную плату.

ОКСАНА. Нельзя мне!

ПРОВОДНИК. Почему?

ОКСАНА. Надо, чтоб вокруг меня было много народу. (В телефон). Рудольф! Рудольф! Ну, где ж ты...

ПРОВОДНИК. Зачем? «Много народу»?

ОКСАНА (мысли вслух). Кому я это говорю..? Зачем это говорю.!? (В телефон). Рудольф! Слышишь, меня, Рудольф!!!

ПРОВОДНИК. Нет, *если* дорого, сговоримся. Умеренная плата... (Пауза).

ОКСАНА. ??!

ПРОВОДНИК. Дом недостроен, мать при смерти. Штифты в колене. Ревматизм...

ОКСАНА. Сгинь! Ущербный! (Снова манипуляции с телефоном).

ПРОВОДНИК. Сильно! Емко. Понятно. (Идет назад, останавливается у купе). Эти тоже горланят. Едва не дерутся. Две ведьмы. Два идиота! Вагон... (Скрывается за кулисой).

ОКСАНА. Рудольф! Где ж ты... Зараза !!!

Идет к двери купе, открывает.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ.

МАРК. Значит, производство мое: дрянь! И консервы мои: гадость.

ВОЛКОВ. Послушайте. Не вскипайте, как чайник. Я говорил лишь о потере качества.

МАРК. Нет. Вы сказали, что жрать мои деликатесы теперь нельзя.

ВОЛКОВ. Наверно, не «жрать»? А есть?

ОКСАНА. Позвольте, Марк, я сяду?

МАРК. Да.

Оксана садится.

(Волкову). Знаете, что такое производство? Паркетный экономист! Настоящее пищевое производство?!

ВОЛКОВ. Я не «паркетный экономист». Я занимаюсь наукой. Экономикой.

МАРК. Знаете, сколько надо приложить усилий, чтоб этот проклятый механизм – пищевое производство – заработал.

ВОЛКОВ. Знаю.

МАРК. Да ни черта вы не знаете. Я готов производить шикарную колбасу, чудные консервы, элитные сыры. Только кто-то все это должен покупать! А народ сейчас нищ. Он даже не ищет. Он рыщет! Как волк! ДЕШЕВИЗНУ! Скидки! Халяву и даром! Но вкусное не бывает даром.

ВОЛКОВ. Сложно объясняете.

МАРК. Да какие тут сложности! Профессор. Чтоб не разориться, чтоб не остановить производство, я вынужден был урезать зарплаты. Ушли классные профессионалы. Но, главное, в колбасе стало меньше мяса. И вы мою колбасу перестали жрать!

ВОЛКОВ. Выбирайте выражения.

МАРК. Ладно. Перестали есть.

ВОЛКОВ. Может, на вашем предприятии слабый менеджмент?

МАРК. Нет, профессор. Дело в том, что богатый человек ест каждый день вкусную и дорогую колбасу, а бедный вынужден жевать «подошву стоптанных сапог».

ВОЛКОВ. Если говорить всерьез о вашем предприятии. Знаете что-нибудь о системе ХААСП²?

МАРК. О «Критических контрольных точках» производства?

ВОЛКОВ. Да.

МАРК. На бумаге, дорогой профессор, все потрясно. А на деле... Вот вам случай из практики. Месяц назад. Мой консервный завод в поселке в Воронежской области. Пятнадцать тысяч народу.

ВОЛКОВ. Завод – градообразующее предприятие?

МАРК. Именно. Звонит мне дежурный по заводу и орет: караул. Восемь автоклавов, по пять тысяч банок консервов в каждом не варены. То есть, банки закрыты, закатаны. Но мясо в них сырое. Банка в розницу 60 рублей. Продукции на 4 миллиона. Вот-вот все, стухнет, к чертям собачьим! По технологии не более двух часов в сыром виде. В закатанной банке. Дальше консервам смерть. И в этот день городу исполнилось 200 лет. И автоклавёр бросил пять автоклавов, пошел бухать.

Праздновать. Решил по-тихому утром вернуться, консервы сварить. Этот молодой ублюдок, как потом выяснилось, был племянником мэра города. Взяли его на комбинат по протекции. За окном пятница, вечер, восемь часов. Впереди два выходных. Как по волшебству все работяги отключили телефоны. На сутки вымерли! Я дозвонился до Главного инженера. Он приехал не трезвый, но опыт не пропьешь! И вот я пошел в котельную. И в новых ботинках «Бальдинини» за 25 тысяч, и в небесного цвета рубашке от «Гуччи» запустил парогенератор. А он, сволочь, давай чихать. Когда я опалил брови и волосы, вспомнил: мне, мудаку, говорили: Марк Давыдыч, надо поменять форсунку

² (Ремарка для актера). Произносят просто: хасп.

парогенератора. Марк Давыдыч, надо починить автоматику парогенератора. Я: да, да. Сам экономил. И вот стою у этого парогенератора, он пляшет. Ходит ходуном. (Усмешка). Мне страшно. Но я даю пар заводу! Хозяин. Едрена вош. Директор.

ИНГА. Картина.

МАРК. Та еще. А Главный инженер – на вечер стал автоклавром. Варил консервы. Напутал, зараза, с режимом, банки пошли «птичкой». Профессор, вы знаете, что такое в консервном производстве «птичка»?

ВОЛКОВ. Не знаю, Генеральный директор.

МАРК. Ёрничаете?

ВОЛКОВ. Меня зовут: Лев Александрович.

МАРК. Конечно. И я спрашиваю вас, какой тут, к чертям собачьим, ХАССП. Какие там «контрольные точки»?! Когда ВОТ ТАКАЯ! РУССКАЯ!!! Действительность!

ВОЛКОВ. Очевидный управленческий кризис.

МАРК. Что – «кризис»?

ВОЛКОВ. То, о чем Вы сейчас рассказали.

МАРК (кричит). Да, Лев! Александрович!! Ты в своей жизни сам что-нибудь построил? Своими руками. Дом на даче? Гараж? Курятник?

ВОЛКОВ. К чему вопрос?

МАРК. Профессор, чем ты ворочал в этой жизни тяжелее языка?!

Пауза.

Молчишь? Не знаешь, что ответить?!

ВОЛКОВ. Проблемы, о которых вы говорите, Марк, не новые. Недавно я читал о них в авторитетном научном журнале.

МАРК. Вот! Вот!! Даже науку занимают мои проблемы. (Инге и Оксане). Дамы! Тут мы отвлеклись с профессором. Шампанское, волованы...

ИНГА. Воздержусь.

ОКСАНА. Я тоже.

МАРК. Так в каком журнале писали о моих проблемах, профессор?

ВОЛКОВ. В журнале: «Иранский свиновод».

МАРК (вскакивает). Слушай, профессор. Твою м... (смотрит на попутчиц). Тебе не нравятся мои колбасы? Мои сыры?! Мне на это наплевать. Я должен был сохранить производство! Пусть колбаса моя – дерьмо, но триста человек до сих пор работают на заводе, получают зарплату. А два года назад работало полтыщи. И пусть такие как ты считают: колбаса моя – дерьмо. Пусть думают, и пусть считают: я... ДЕРЬМО!!! Мне на это наплевать! Ты все понял?! Профессор!

ВОЛКОВ. Дерьмо, будьте добры, газету? (Указывает на угол стола).

Марк хватается Волкова руками за шею, собирается ударить головой, в последний момент останавливается.

Можете сломать мне нос. Вы сильнее. Но я Вас засужу.

ИНГА. Хватит! (Бьет ладонью по столу, встает). Сядьте, пожалуйста! Оба!!

Марк убирает руки с шеи Волкова. Мужчины медленно садятся.

МАРК. Только этого мне сейчас не хватало. Плохой ответ, профессор. Но все ж ответ. (Расстегивает верхнюю пуговицу рубашки).

ВОЛКОВ (разминает свою шею). На самом деле, Марк, я так не думаю. Я хотел объяснить вам. СЛОВА! ВСЕ СЛОВА, которые мы говорим, имеют значение. (Пауза). ЭМОЦИИ ИСЧЕЗАЮТ БЫСТРО. КАК ДЫМ. НО СЛОВА РУБЦУЮТСЯ В ШРАМЫ. И НОЮТ В ЗАКОУЛКАХ ПАМЯТИ ДО СМЕРТИ. (Пауза).

Марк резко встает, выходит из купе, и идет в сторону правой кулисы. Быстро исчезает за ней.

ВОЛКОВ. С детства не выносил фамильярности. Амикошонства. Я потому стал заниматься наукой, преподаванием, чтобы ко мне относились уважительно. И в 22, и в 30, и в мои 47. (Вздыхает). На пироне он так налетел на меня, что я грохнулся! Я прямо-таки встрял лицом в пирон. Очки с лица вон. Телефон из рук! Да на асфальт! Вдребезги!

ОКСАНА. Так это был Марк?!!

ВОЛКОВ. Конечно. И он даже не оглянулся. Не посмотрел на меня. Побежал дальше. Раздавил очки. А я выбирал их полгода.

ИНГА. Дорогие?

ВОЛКОВ. Важно ли это? Сейчас запросто, без всякой причины, он наговорил мне столько гадостей..! (Качает головой). Сколько я не соберу в памяти за десятилетье! В следующий раз полечу самолетом. Чего бы мне это ни стоило.

ИНГА. Не зарекайтесь.

ВОЛКОВ. Непременно полечу. (Выходит из купе, открывает вагонное окно).

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Стучат колеса, гудит тепловоз. Волков стоит у окна. Появляется Марк. За Марком следует Проводник. Несет мешки для мусора. Волков, завидя Марка уходит за кулису.

МАРК (в купе). День Рождения на славу удался. (Проводнику). Санчо Панса. Мешок! (Берет у проводника мешок, бросает в него снедь со стола). Помидоры провансальские. (В мешок). Вместе с приборами: ножи-вилочки.

ПРОВОДНИК. Эх, приборчики. В хозяйстве сгодились бы!

МАРК. Остынь, голуба! Гулять, так гулять! Суфле сырное. Фуагра с апельсином. (В мешок). И напитки. К изыскам! (Проводнику). Еще пакет!

ПРОВОДНИК (полушутя-полусерьезно). Извольте, барин. (Дает второй мешок, забирает первый).

МАРК. Волованы. Соус. Холодное...

Стол почти чист.

Счастья, долгих лет тебе! Марк Давыдыч! (Смотрит на Оксану, отдает Проводнику второй пакет).

ОКСАНА (кивает). Присоединяюсь. К поздравлениям.

МАРК (Проводнику). Чего тебе?

ПРОВОДНИК (внимательно разглядывает Марка, снимает горошину с плеча). Горошек. Зеленый. (Держит пальцами, размышляет: куда бы деть горошину, решает съесть. Ест, морщится).

МАРК. Суховато? Соус из пакета зачерпни. (Указывает на мусорный пакет).

ПРОВОДНИК. Надо бы это... (смотрит на мусорные пакеты).

МАРК. Денег за пакет?

ПРОВОДНИК... (разводит руками: надо бы).

МАРК (достаёт бумажник). Пакеты. (Дает купюру Проводнику).

ПРОВОДНИК (берет деньги, не уходит).

МАРК. А..! (С пониманием кивает). «Мать при смерти»?

ПРОВОДНИК (благодарно кивает, берет купюру). ! (Не уходит).

МАРК (дает новую купюру). «Штифты в колене»?

ПРОВОДНИК (берет купюру, кивает, не уходит). !!

МАРК (новая купюра). «Ревматизм»?

ПРОВОДНИК (берет купюру, мнется: сказать - не сказать). ...

МАРК. Говори!

ПРОВОДНИК. Отец! Два года как умер. Памятник не на что справиться.

МАРК (лезет в бумажник). На это трижды возьми.

ПРОВОДНИК (глаза к небу). Спасибо тебе, господи! За такого пассажира.
МАРК. Вернешься домой, заведи ферму, купи корову.
ПРОВОДНИК. Зачем?
МАРК. У тебя доить получается. ДО ДНА.
ПРОВОДНИК (подобострастно). Всенепременно, барин! Всенепременно!!
МАРК (поворачивается к столу). Все?
ОКСАНА. Салат. Кажется «Греческий».
ИНГА. «Из французского ресторана».
МАРК (оглядывается по сторонам). А это... Подарок. Тульским полям. (Открывает окно, возникает громкий стук колес).

Марк высовывается из окна, насколько хватает сил и роста, выбрасывает пиалу с салатом, закрывает окно, поворачивается к залу. Полсалата на лице.

ИНГА. Месть тульских полей.
ПРОВОДНИК. Как вас салатом уходило, барин!
МАРК. С днем Рожденья, Марк Давыдыч. С днем рожденья.

ЗАНАВЕС.

Второе действие.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Декорации начала Первого действия. Пирон.
Объявление: «Скорый поезд Сто Двадцать Первый, Владикавказ-Санкт-Петербург, прибыл на вторую платформу левая сторона. Репродуктор: «Только у нас! Только у нас! Свежий, вкусный Тульский пряник...»
Появляется Волков, за ним Марк.

МАРК. Профессор?
ВОЛКОВ. Лев Александрович.
МАРК. Да. Лев. Саныч. Оказывается, это тебя я сшиб на пироне. Утром. Когда поезд догонял.
ВОЛКОВ. Я об этом забыл.
МАРК. Профессор, извини.
ВОЛКОВ. Марк... Не помню вашего отчества.
МАРК. Какое там, на хрен, отчество. Всё в Европу хотим, а просто по-европейски, без этих русских вывертов, общаться не научились.
ВОЛКОВ. Франция – тоже Европа. Но и там принято обращаться к малознакомому человеку на «вы». Я старомоден.
МАРК. То есть, не западник?
ВОЛКОВ. Скорей, русофил.
МАРК. Не «русофил»! Еврофоб!!
ВОЛКОВ. Марк, вы жонглируете понятиями, сути которых не понимаете.
МАРК. Да, бес с ними. С понятиями. (Достает конверт). Вот.
ВОЛКОВ. Что значит: «вот»?
МАРК. Деньги на новые очки. Возьми.
ВОЛКОВ. Не «возьми»! Возьмите?
МАРК. Вот же ж-ж-ж-ж! Угораздило в купе соседствовать. Ладно. Возьмите!
ВОЛКОВ. Не возьму.
МАРК (в сторону). Что за тип. Подраться с ним не могу. Больно умный. Но уже довел меня до белого каленья. (Волкову). Профессор, прошу, возьмите!
ВОЛКОВ. Не возьму.
МАРК. Да почему ж!?! Едрён батон!

ВОЛКОВ. Взять у вас деньги, значит, поступиться принципами!

МАРК. Какими еще принципами?!

ВОЛКОВ. Куплю очки. Буду вспоминать иногда, что купил их на ваши деньги.

МАРК. И что?

ВОЛКОВ. Вам чем-то обязан. А я не хочу подобных обязательств. Куплю очки на свои.

Вычеркну прошлое утро из памяти.

Пауза.

МАРК. Лев Александрыч, вы счастливый человек?

ВОЛКОВ. Странный вопрос. Квартира в Петербурге. У Троицкого моста. Жена, дочь. Любимая работа. Да. Счастлив.

МАРК. Лев. Александрыч. Почему Вы профессор? Не я?

ВОЛКОВ (пожимает плечами, разводит руками, не знает, что ответить). ...

В вагоне поезда Инга выходит из купе, **на шее красный тонкий шарф**, и идет к правой кулисе. Исчезает за ней.

МАРК (прячет конверт в карман). Ладно. Оставайтесь без очков. Без денег. Со своими принципами.

ВОЛКОВ. Поверьте, они дороже денег.

МАРК. Профессор, у меня к Вам еще одна просьба.

ВОЛКОВ. Какая?

МАРК. Не выставьте меня дубиной перед этой женщиной.

ВОЛКОВ. Какой женщиной?

МАРК. Перед Ингой.

ВОЛКОВ. Объясните?

МАРК. Инга мне нравится. И вам, профессор, она тоже нравится.

ВОЛКОВ. Конечно, как человек...

МАРК. Как женщина, профессор. Не врите ни мне, ни себе. Как женщина.

ВОЛКОВ (после некоторого раздумья). Да! И как женщина тоже!

МАРК. Спасибо.

ВОЛКОВ. За что?

МАРК. Не соврали. Знаете, дурацкие воспоминания. Я, когда был совсем пацаном, и постарше, часто ездил с мамой, отцом поездом. Мечтал: однажды, куплю билет в купе. И попугачицей будет женщина. Восхитительная! Мы только вдвоем. Будем говорить, пить вино всю ночь. И обязательно ЭТО произойдет. Под утро.

ВОЛКОВ. Что произойдет?

МАРК. Не дурите, профессор?

ВОЛКОВ (едва не выходит из себя). Лев Александрович!

МАРК. Вы ж нормальный мужик.

ВОЛКОВ. Слушайте, Марк! Вы изумляете меня! Чем дальше от Воронежа, чем ближе к Петербургу...! Тем сильнее и сильнее! ИЗУМЛЯЕТЕ!! Она – эта женщина – воспитана, не в пример вам. Умна. Самодостаточна. Похоже, счастлива.

МАРК (цинично). Да, профессор, да.

ВОЛКОВ. Неужели Вы всерьез полагаете, что она хоть на секунду, хотя бы на мгновение пожелала (подыскивает слова) оказаться с вами ОДНА!? В купе?!

МАРК. Да, профессор. Полагаю. Потому прошу, как мужик мужика! Не выставьте меня дубиной перед Ингой. И чего там басни петь. Вы тоже думали об этом!

ВОЛКОВ. О чем?

МАРК. Как было бы в кайф оказаться с ней одной в купе. Сегодня вечером. Сегодня ночью!

ВОЛКОВ. Да как вам в голову, в вашу БЕЗУМНУЮ БАШКУ! Простите! (Стучит несколько раз кулаком по своей голове) Могла прийти такая чушь! (Брезгливо отскакивает от Марка. Напряженная пауза. В сторону). НО ВЕДЬ ОН ПРАВ! Этот... Дрянной заводчик бедных воронежских свиней! Он прав, прав. ПРАВ!! Я тоже думал об этом!

МАРК. Лев. Александрыч. Не выставьте меня дубиной перед Ингой. Прошу.

ВОЛКОВ. Да идите Вы! К черту!! (Уходит, яростным шагом за кулису).

Марк покидает сцену. Потом он идет по коридору вагона. Открывает настежь дверь шестого купе. Там снимает с вешалки пиджак Волкова, выходит с ним в коридор. На пироне появляется Оксана. Она спешит через сцену, видит Марка в вагоне за стеклом. Марк достает конверт из своего кармана, из профессорского пиджака ручку, что-то быстро пишет на конверте, затем кладет конверт в карман пиджака Волкова, ручку возвращает на место.

ОКСАНА. Это ж профессорский пиджак. Мама дорогая. Еду в одном купе с вором! Неужели?! (Хватается за сумочку, открывает ее, ворошит содержимое, облегченно вздыхает). Все на месте! На сумке сплю, кошелек под подушкой! Ох, угораздило... (телефон по-прежнему в руке). Рудольф..! Сними, зараза трубку! Рудольф! Приеду, убью! (Покидает сцену).

Марк возвращает пиджак на место, закрывает дверь. В коридоре встречается Оксану. Оксана входит в купе, Марк покидает сцену.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Пирон. Волков прогуливается, появляется Инга.

ИНГА. Взяла «Тульский пряник».

ВОЛКОВ (задумчиво). Да...

ИНГА. Что-то случилось?

ВОЛКОВ. В Воронеже умерла моя первая жена. Скоропостижно. Осталась дочь. Надо забрать ее в Петербург. Приеду, должен буду сказать жене: моя дочь едет к нам!

ИНГА. И что?

ВОЛКОВ (кивает). Но моя жена - интроверт. Такой, что не рассказать! Она вся в доме! В себе. Никто ей не нужен. Ни родственники, ни друзья! Она давно выгурила из дома, вымела, как мусор - хлам, всех родственников. Мать, отца, брата, его обеих жен! Кошек, собак...

ИНГА. Всех?

ВОЛКОВ. Дочиста! Остались я и Маришка – наша, общая, дочь. Ей 8 лет. Другого мира для моей жены нет. Теперь я должен сказать жене: едет Лиза.

ИНГА. Это ваша старшая дочь?

ВОЛКОВ. Да. И я не знаю, что делать!

ИНГА. Лев Александрович, взгляните на все иначе.

ВОЛКОВ. Как «иначе»?

ИНГА. У вас дочь. Ей шестнадцать лет.

ВОЛКОВ. Семнадцать.

ИНГА. Ребенок не видел вас годы. Теперь остался один. Она едет к вам! Хочет вашего участия. Вы счастливый человек.

ВОЛКОВ. Полагаете?

ИНГА. В прошлой семье у мужа моего осталась двойня. Два парня. Мы познакомились с Мишей...

ВОЛКОВ. Это ваш муж?

ИНГА. Да. Мы познакомились, когда он уже развелся. Иначе, я не подпустила б его на пушечный выстрел!

ВОЛКОВ. Верю.

ИНГА. Сейчас мальчишки в Англии. Изучают право.

ВОЛКОВ. Замечательно.

ИНГА. Год назад мне стало плохо без них. Давно не виделись. Я одна полетела в Лондон. Мы провели вместе три недели. Было чудное лето! Когда они приезжают домой – в Петербург, у нас живут дольше, чем с родной матерью. Мы переезжаем на дачу. Парни шумные – квартиры нам маловато.

ВОЛКОВ. Было б у меня так.

ИНГА. Будет, Лев Александрович. Будет. Поверьте, Вы счастливый человек! И жена примет вашу старшую дочь. Обязательно. Извините, пряник отнесу в купе.

ВОЛКОВ. Конечно.

ИНГА. Лев Александрович, нескромный вопрос: у Вас в семье все такие? Умные?

ВОЛКОВ. Соврал бы. Да врать не умею.

ИНГА. Не за чем врать.

ВОЛКОВ. Я с Алтая. В семье было 10 детей. У троих рак. Их уже нет. Осталось кроме меня: четыре брата, две сестры. Трое братьев - алкоголики, две сестры – монахини в Бийском монастыре. Не знаю, какие были грехи. Теперь замаливают. Младший брат, пропал. Лет пятнадцать о нем ничего. Хорошо, если в Сиднее шофером. Хуже, если в тюрьме, или в земле. Давно.

ИНГА. Печально.

ВОЛКОВ. Мать умерла восемь лет назад. С тех пор на Алтае не был.

ИНГА. Почему?

ВОЛКОВ. Не тянет. В мир детства своего не хочу.

ИНГА. Простите.

ВОЛКОВ. Не извиняйтесь. Это моя история.

Инга покидает сцену. За ней уходит Волков.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Объявление: «До отправления скорого поезда номер: Сто Двадцать Один: «Владикавказ-Санкт-Петербург» осталось пять минут». Репродуктор: «Только у нас! Только у нас! Свежий, вкусный Тульский пряник...»
Появляется Марк. За ним Инга.

МАРК (один, мысли вслух). Вот, черт! Где ж я эту Оксану видел?! Дырявая память..., дырявая память...

ИНГА. Ну что, Марк? Лев Александрович взял деньги, нет?

МАРК. Не взял.

ИНГА. Я была в этом уверена. А вы получили.

МАРК (кивает). Получил. Упрямый, зараза мужик. Как черт, упрямый. Но я приготовил ему сюрприз.

ИНГА. Какой?

МАРК. Не скажу.

ИНГА. Марк, вы не женщина. Загадочность вам не к лицу.

МАРК. Не скажу!

ИНГА. С днем рождения нехорошо вышло. За мной подарок.

МАРК. Еще успеете, Инга.

ИНГА. Не поняла?

МАРК. Родился я в декабре. Поздравить успеете.

ИНГА. Зачем же было это представление?

МАРК. Последние полгода черти на душе. Вчера решил – поеду в Питер поездом. Прокачусь с шиком. Как дореволюционный купчина. Придумал себе день рожденья. Профессор, сволочь, все испортил.

ИНГА. Раз начали, давайте начистоту.

МАРК. Вы о чем?

ИНГА. Неделю назад я обедала на террасе дома отдыха. Вы там встречались с крупным мужчиной. Сидели ко мне спиной. Я вас видела. Вы меня нет.

МАРК. С Алексеем Германычем? Встречался я там!

ИНГА. Не знаю, как его зовут. Когда вы ушли, он кому-то позвонил. Говорил громко. Сказал: «...еврей в петле. Кредитов не отдаст. Завод даром возьмем». Извините, что повторяю слово в слово.

МАРК. Ах, он паскуда! Ах, паскуда! Простите, Инга. Задушил бы свинью. Задушил! (Пауза). Я, Инга, ввязался в плохой бизнес-проект. Взял у банка деньги. Проект оказался дутый. Люди, которые меня под проект подвели, просто решили завод у меня отобрать.

ИНГА. Получилось?

МАРК. Получилось. Когда я понял, что все потерял, набрал в долг сырья. Много, много сырья. Продавал ниже плинтуса. перевел деньги на Багамы. Попросил друга купить мне машину. «Мазерати Кваттропорте». И завтра в пять утра на Московском вокзале я сяду в «Мазерати». Через два часа буду на финской границе. Пройду ее... ВСЁ!

Долгая пауза.

ИНГА. Куда же вы отправитесь?

МАРК. Давно люблю Индонезию. Открою там сеть рыбных ресторанов. Приезжайте ко мне есть рыбу, Инга?

ИНГА. послушайте, Марк. «Мазерати» - дорогая машина. Когда бегут из страны, бегут от долгов, исчезают тихо. На старом «Фольксвагене», серых «Жигулях». Зачем же «Мазерати»?

МАРК. всю жизнь хотел. И не купил. Вначале не мог, потом было денег жалко. Сейчас взял и купил.

ИНГА. Это ведь пир во время чумы!

МАРК. Принимайте меня таким, какой есть.

ИНГА. А что же ваша семья?

МАРК. Да, какая семья. С последней женой в прошлом году развелся. Денег оставил много. Отец – крепыш. Брат – жлобина, выше меня на полголовы. В старину ходить бы ему за плугом. Оглобли на спине ломать! Нет. Он картины пишет. Художник. Эстет. Я для него нувориш. Барахло! Сестра – ни мужа, ни детей. Эгоистка, дура, стерва. Три цветочных салона. Что им всем до меня?! (Пауза).

ИНГА. Да. Это не семья.

МАРК. Сегодня у меня было прощание с Родиной. Инга.

ИНГА. Профессор вам все испортил.

МАРК. Сволочь! Смотрел на профессора весь день. Умнейшая башка. Любимая работа. Здоров и счастлив. Почему ж я не такой вот профессор. Зачем было это дерьмо в моей жизни. Война, две жены, бизнес, яхты, машины, заводы. Теперь бега. Когда надо было просто родиться счастливым.

ИНГА. Может, «не родиться», а стать?

МАРК (качает головой). Счастье – гадюка – жалит достойных. Видать, недостоин я. (Пауза). Инга, у вас чудный шарф. Шикарно смотрится. Прямо на картину. Мольберт, краски. Вы загадочны. Загадочность Вам к лицу. Вы красивы. У вас шарм...

Инга целует Марка в губы. Отрывистый поцелуй. Длится мгновение.

Объявление: «Скорый поезд Сто Двадцать Первый «Владикавказ-Санкт-Петербург» отправляется с пятого пути». Затемнение. Возникает стук колес, поезд разгоняется все сильнее, мчится на полном ходу.

Появляется свет. Те же декорации. Слева за вагонным стеклом Волков говорит по телефону. В другом конце вагона о чем-то спорят Марк и Проводник. Марк достает бумажник, отсчитывает купюры. Проводник возражает жестами: мало. Марк дает еще. Спор продолжается. Проводник хочет уйти, Марк его останавливает... Затемнение.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ночь. Прежние декорации: вагон, пирон. Появляется Оксана, за ней Волков. Оксана пьяна. На ногах Оксаны легкие летние шлепанцы. всю картину двое прогуливаются вдоль вагона.

ОКСАНА. Никогда не думала., что буду гулять по пирону этого захолустья.

ВОЛКОВ. Я не думал.

ОКСАНА. Лев Саныч, я немного пьяна. Уж простите.

ВОЛКОВ. Чтобы заработать миллионы, миллиарды надо быть «Гением места». ³

ОКСАНА. То есть?

ВОЛКОВ. Надо оказаться в определенный час там, где рождаются миллиарды. Там, где их создают. (Привел Оксану к шлепанцу, останавливает указывает).

ОКСАНА (видит шлепанец, надевает). Не джентльмен. Джентльмен-н-н-нище!

Неожиданно у Оксаны звонит телефон.

Минуточку! Может, это ОН!!? (Отходит в сторону, производит множество манипуляций с телефоном).

ВОЛКОВ. Вот, балаган. Пригласила меня на ужин в вагон-ресторан. Отвратительная еда. Бессмысленный треп! Еще напилась! Зачем позвала? Зачем пошел?! Дуралей! Дуралей!!

Возвращается Оксана.

ОКСАНА. Простите. Не он. (Прячет телефон в карман).

ВОЛКОВ. Скажите, Оксана. Вы когда видели Ингу и Марка? Последний раз? Я проснулся, было около девяти. Почему-то подумал: они отправились в вагон-ресторан. Но их не было в вагоне-ресторане.

ОКСАНА. Вы, чего спрашиваете?

ВОЛКОВ. Простое любопытство.

ОКСАНА. С восьми вечера их не видела.

ВОЛКОВ. Не находите это странным?

ОКСАНА. Нет.

ВОЛКОВ. От Марка можно всего ожидать. Нашел друзей, отстал от поезда. Но Инга? Не предупреждала Вас ни о чем?

ОКСАНА. Не предупреждала.

ВОЛКОВ. Значит, она, просто исчезла?

ОКСАНА. Не знаю.

ВОЛКОВ. Слушайте, вдруг, что-то случилось? Женщина вышла на пирон, случайно осталась. Или на нее напали. Отобрали сумку! Бумажник. Если сейчас Инги нет в купе вагона, надо звать начальника поезда. Немедленно! И...

ОКСАНА. Профессор! Не надо никого звать.

ВОЛКОВ. Лев Александрович.

ОКСАНА. Не надо никого звать! Лев Александрович.

ВОЛКОВ. Почему?

ОКСАНА. Потому что Проводник пять часов назад открыл Марку третье купе.

ВОЛКОВ. И что?

ОКСАНА. Марк с Ингой там.

Пауза.

ВОЛКОВ. Чушь. Чушь!! Нелепость. Пускай Марк перебрался в третье купе. На него похоже. Но Инга. Она отстала от поезда, быть может, сошла в Москве. Она скорее умрет, чем...

ОКСАНА. Лев Александрович, **НАИВНЫЙ ВЫ ЧЕЛАЭК!** Она сама попросила меня увести вас в вагон-ресторан. Всеми правдами и неправдами! Как можно дальше от нашего вагона. Держать вас рядом с собой хотя бы час. Лучше два! Предлагала деньги. Я, конечно, не взяла.

ВОЛКОВ. Но зачем она попросила об этом вас?

ОКСАНА. Она сказала: в профессоре есть что-то праведное. Библейское. «...Рядом с ним будет неловко».

ВОЛКОВ. Она так сказала?

ОКСАНА. Слово в слово. По мне бред. Полный.

³ Петр Вайль «Гений места». (Эссе).

Долгая пауза. Объявление «До отправления скорого поезда Сто Двадцать Первого «Владикавказ-Санкт-Петербург» осталась одна минута». Волков неожиданно делает шаг к Оксане и целует ее в губы.

(наотмашь ладонью бьет Волкова по щеке). Лев! Ты...дурак?! Я порядочная женщина! Уходит за кулису, теряет шлепанец, с трудом подбирает его).

Затемнение.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Темно. Стучат колеса, блики света и тени. На сцене два танцующих силуэта. Звучит песня.

Давно обнимала ночь
Серебро петербургских крыш
Загадочна и недурна
Чутьочку странная лишь
И огненно-красный шарф
И пряди густых волос
Какой неподдельный шарм
В городе снов и грез

По Невскому шли пешком
Смеялись, как в 20 лет.
- Я замужем.
- Ну и что?
Нева нам дышала вслед...

Гостиница. «Ночь нежна».
Красив Петербург и пьян.
- Хотите бокал вина?
- Вина и еще огня.
Упал у порога шарф.
Платье скользнуло с плеч.
Легла у окна луна
Любовь до утра стеречь.

По Невскому шли пешком.
Смеялись, как в 20 лет.
- Я замужем.
- Ну и что?
Нева нам дышала в след...⁴

(Затемнение).

КАРТИНА ШЕСТАЯ.

В темноте звонит телефон. Настойчиво. Появляется свет. Оксана выходит на сцену, закрывает за собой дверь купе. Оксана трезва (хмель незаметен).

ОКСАНА. Алло? Алло?

В углу сцены за столом сидит Рустам. Толстяк 60 лет. На столе бутылка, рюмка.

⁴ Текст песни, не стихи. Стихи – это нечто большее.

РУСТАМ. Какие новости?

ОКСАНА (вытягивается в струну). Здравствуй, Рустам. Я все сделала.

РУСТАМ. Что? «Всё»? (Глоток).

ОКСАНА. Девочек нашла. Свежие. Разные. Везу фото. Будешь доволен.

РУСТАМ. Что я? Мне зачем? Бизнес остановить нельзя. Клиент должен быть доволен. Партнер доволен.

Долгая пауза. Наливает спиртное в рюмку.

Виски дерьмо. Забегаловка – срань.

ОКСАНА. Зачем, пришел? Остался?!

РУСТАМ. Тебя не спросил. (Делает два глотка). Наш общий друг и компаньон, Шота Захарыч, открывает еще три сра-салона. Два в Москве, один в Белграде. (Глоток виски). «Свежее мясо». Его надо много. Будет у тебя еще командировка.

ОКСАНА. Куда?

РУСТАМ. На север. Петрозаводск. Мурманск.

ОКСАНА. Рустам, это проклятый край!

РУСТАМ. Ты бухгалтер. Ты держишь мои деньги. (Глоток виски). Если меня «закроют», кто-то должен будет сохранить все мои деньги. (Еще глоток. Сильный удар кулаком по столу). Но управлять моими делами не смей!

ОКСАНА. Я...

РУСТАМ (снова бьет по столу). Оксана! Оксана!! (Короткая пауза). Напомнить, откуда я тебя выволок в свет? И пустил в свой бизнес.

ОКСАНА. Рустам, я...

РУСТАМ. Ты была шлюхой! Дорогой эскортной шлюхой!

ОКСАНА. Не правда. Я была балериной!

РУСТАМ. Ты перестала ей быть в семнадцать лет! И тут же сделалась шлюхой!

ОКСАНА. Меня заказали одноклассницы!

РУСТАМ. Вранье! Неделю назад я развлекался с твоей давней подругой: Эльвирой. Два года не танцует, а задницу нажрала 54-го размера. Она много чего о тебе рассказала!

ОКСАНА. Что «рассказала»?

РУСТАМ. Как ты в кафе на Садовой по случаю окончания Вагановки устроила стриптиз. Танцевала полуголой на столе. Стол под тобой развалился, вот ты и жახнулась поясницей на спинку стула.

ОКСАНА. Неправда!

РУСТАМ. Все правда. Не заговор это был. Дурная выходка безмозглой, пьяной соплячки. Видать, на роду было тебе написано: стать шлюхой!

ОКСАНА (начинает тихо плакать, потом рыдать). Зачем ты так? Зачем?!!

РУСТАМ (глоток виски). Затем, что ты обнаглела, Оксана! До края. На людях появляешься в обнимку со своим хореографом!

ОКСАНА. Но ты же сам три года назад меня отпустил?!

РУСТАМ. Отпустил. Надоела в постели. Но для всех ты – моя жена. Спим вместе мы или нет. Ты – моя жена. Я бизнесмен.

ОКСАНА. Рустам...

РУСТАМ (бьет бутылкой виски по столу). Не перебивать! Мой товар: «петарды», «зубной порошок», «нежные формы». Это НЕПРОСТОЙ! Особый товар! Ты – мой сейф. Ты в миру – моя девка! Только моя, иначе уважать меня перестанут серьезные люди. Перестанут бояться. А уважение! Страх! То, на чем стоит МОЙ МИР!

ОКСАНА. Рустам...

РУСТАМ. Ты поняла?!

Молчание, всхлипы.

(Снова бьет бутылкой по столу). Ты поняла?!!

ОКСАНА. Поняла.

Долгая пауза.

РУСТАМ. Не звонит тебе твой хореограф?

ОКСАНА (молчит).

РУСТАМ. Я задал вопрос!

ОКСАНА. Не звонит.

РУСТАМ. Правильно. Спроси, почему?

ОКСАНА. Почему?

РУСТАМ. Потому что сидит у меня в яме. Ждет приговора.

ОКСАНА. Нет?!!

РУСТАМ. Да. (Достает из кармана другой телефон). Лови звонок.

ОКСАНА (смотрит на свой телефон, прижимает его к животу). Ублюдок! Ублюдок!!

РУСТАМ. Он думал, ты всю жизнь хозяйка спа-салона. О шлюхе эскортной по прозвищу БЕЛЛА, он ничего не знал. Расплакался, голубок. Сник. В общем, сдохнет он теперь или выживет... Тебе его не видать.

ОКСАНА. Зачем ты рассказал ему об этом? Ну, зачем?!!

РУСТАМ. Отчитаешься перед Шотой Захарычем, сразу ко мне: в Москву. С тобой, во-первых, разберусь, потом с твоим хореографом.

ОКСАНА. Не трожь его? Прошу тебя! Не трожь!

РУСТАМ. Знаешь, чем страшен бордель?

ОКСАНА. Никогда не была в борделе!

РУСТАМ. Эскорт. Содержанка. По вызову. Все одно: бордель. (Глоток виски). Так вот, знаешь, чем страшен бордель?

ОКСАНА. Чем?

РУСТАМ. Стоит войти в бордель один раз (глоток виски) с черного хода. Всего на один час. А потом забыть. Бордель всю жизнь будет преданным псом бежать за тобой по пятам. (Глоток виски). И лизать, лизать твои пятки!

Рустам пьет виски, Оксана плачет.

ОКСАНА. Господи! Господи!! Когда ж все это кончится? Когда?!!

РУСТАМ. Я старый бандит. Ты шлюха из эскорта по прозвищу Белла. Это уже не кончится никогда.

Появляется ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ, стреляет Рустаму в грудь. Рустам встает, пытается бутылкой ударить стрелка. Киллер стреляет еще раз - в голову. Рустам валится у стола. Затемнение.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ.

Звон колокольчика: дзынь-дзынь, дзынь-дзынь... Из-за правой кулисы выбегает Сазонов, мчится через сцену к левой кулисе, на мгновение скрывается за ней, но тут же появляется со спиннингом в руках. Радостно подсекает-отпускает, подсекает-отпускает рыбу.

САЗОНОВ. Поклёвочка -поклевочка, поклё-во-чка!

Инга идет из-за кулисы по коридору вагона, набирает номер. Звонит телефон.

Да, блин же! Блин! Полвторого ночи. Какая зараза! Надо было отключить его к дьяволу!! (Сматывает леску, телефон все звонит. Лезет в карман одной рукой, достает телефон, одновременно отпускает рыбу, подтягивает...). Она! Придется отвечать! Чё ж не отключил!? Зачем не отключил?! Дебил! Дебилоид!! (Наконец, отвечает). Ингусик! Ингусик... (Телефон выскальзывает из рук, падает на сцену).

ИНГА. Мишенька... Мишаня...

САЗОНОВ. Эй-й-й... Пусть думает связь пропала. (Яростно мотает леску).

Инга снова набирает телефонный номер. Сазонов подтягивает рыбу, и она – средних размеров - появляется из-за кулисы. Снова звонит телефон.

Ну, черт же! Черт тебя возьми!! (Бросает удочку на сцену, поднимает телефон, отвечает). Да, Ингусик. Связь пропала. (Рыба пытается ускользнуть обратно – за сцену. Наступает ногой на леску. Рыбе). Стой, ласточка! Стой!

ИНГА. Мишаня, ты где?

САЗОНОВ. Уже в пути.

ИНГА. Как же в пути, когда я слышу: сосны шумят.

САЗОНОВ. Мыслями! Мыслями в пути. (Рыба бьет хвостом).

ИНГА. Мишаня, ты меня любишь?

САЗОНОВ. Конечно.

ИНГА (плачет). По-настоящему любишь?

САЗОНОВ. Да.

ИНГА. Мишаня, я иногда делаю глупости. Я злая. Жестокая. И столько гадостей во мне!

САЗОНОВ (рыба прыгает и отдалается к кулисе). Это да-а-а! То есть, нет! (Рыбе). Ах ты стервоза. Скользкая! (Телефон выскальзывает из рук. В этот раз ловит телефон. В сторону). Поставлю на громкую связь. (Проделывает манипуляции).

ИНГА. Мишенька, не перебивай!

САЗОНОВ. Не буду. (Садится на сцену, кладет телефон рядом, хватая рыбу двумя руками).

ИНГА. Утром я накричала на тебя.

САЗОНОВ (пожимает плечами). Что, первый раз? (Спохватывается). Да сам я... был хорош.

ИНГА. Миша, Мишенька, я иногда делаю глупости. Страшные глупости! ЧУДОВИЩНЫЕ ВЕЩИ!

САЗОНОВ (борется с рыбой, хочет снять ее с крючка). Бывает. Женщина, она ж ведь... Женщина.

ИНГА. Мишенька, но что бы я ни делала, все ради нас.

САЗОНОВ (рыбе). Сволочь, отдай крючок!

ИНГА. Что?

САЗОНОВ (Инге). Кто б сомневался.

ИНГА. В чем?

САЗОНОВ (рыбе). Зараза! Отдай крючок! (Инге). В любви. Любовь это ж... Это ж... Не слабей крючка. (Рыбе). Отдай крючок!!

ИНГА. Мишаня, я люблю тебя сильней, во сто крат сильней, чем ты думаешь!

САЗОНОВ. А чё ж меня не любить! (Рыбе). Слезь с крючка!

ИНГА. Я никогда! Веришь, Мишенька? Даже в мыслях никогда тебе не изменяла!

САЗОНОВ (в сторону). ТЬМА ЕГИПЕТСКАЯ! Что именно сейчас надо об этом!!? (Инге). Верю! (Рыбе). Скотина, слезь с крючка! (Пытается вытащить крючок из пасти рыбы).

ИНГА. Потому что я люблю тебя. Очень. По-настоящему. И мне никто никогда не был нужен в этой жизни! Сильней, чем ты! Может, только ребенок!

САЗОНОВ (в сторону). Опять! Опять она об этом! (Инге). Мы попробуем еще раз. Если надо, еще... Будет тройня. (Рыбе). Зараза, слезь с крючка! (Инге). Нет, двойня! От тройни я сбегу!

ИНГА. Мишаня, я люблю тебя. Ты прощай меня, когда я на тебя кричу, когда я дурствую. Пожалуйста. И я буду любить тебя! До самой смерти.

САЗОНОВ. Прощаю. Неж-ж-ж-жная (трясет рыбу) моя. (Рыбе). Слезь, тебе говорю, с крючка! Слезь!! Зараза!

Долгая пауза.

ИНГА (громче громкого). НЕ СЛЕЗУ!!!

САЗОНОВ. Чего?! (отбрасывает рыбу).

ИНГА. Получил?

САЗОНОВ. Зачем ты? Так?

ИНГА. Мишаня, ты слышал, о чем я сейчас говорила?!

САЗОНОВ. Все. До последнего слова!

ИНГА. Ненавижу, когда ты говоришь со мной по громкой связи. Будто я пришла в твой кабинет за инвестициями: брать-давать! Возьми телефон в руку! Немедленно! Отключи громкую связь. И в половину второго ночи один раз за день нормально поговори с женой! Наконец! Пять минут поговори! Мишаня!

Сазонов отключает громкую связь, прижимает телефон к уху. В это время рыба освобождается от крючка и, шлепая хвостом, перемещается к кулисе, скрывается за ней.

САЗОНОВ (наступает ногой на рыбий хвост. Рыбе). Стой! Змеища! Стой!

ИНГА. Мишаня, отойди от рыбы. В эту... минуту. В эту непростую ночь. Я прошу тебя. Отойди от рыбы!

САЗОНОВ (лукавит). Отошел. (Рыбе тихо). Стой! Стой! Шельма! (За сценой громкий всплеск). Отошел! Да, лучше б я в мир иной отошел!!

ИНГА. Миша, я все сказала тебе. Все, что хотела сказать. Ты, как всегда, не услышал меня. Не понял ничего. Прошу, приезжай вовремя на вокзал.

САЗОНОВ (сматывает леску). У меня зеленый коридор. Буду.

ИНГА. Я люблю тебя, Мишаня. По-настоящему. Как любит взрослый человек взрослого человека. Приезжай. (Скрывается за дверью шестого купе).

САЗОНОВ (прячет телефон). Мы, мужчины, выслушиваем все их истерики. Все бредовые мыслишки и мыслищи! Вот о чем она сейчас говорила? Что в ее словах было такого важного, что могло б перевернуть мой мир! НИЧЕГО! РОВНЫМ СЧЕТОМ НИЧЕГО! НИ НА ГРАМ, НИ НА ГРОШ! И часами, неделями, и месяцами! ГОДАМИ! Только и делаем мы, что выслушиваем их! Выслушиваем... ВЫСЛУШИВАЕМ!!! Но кто из них, из этих вот! Выслушал нас хотя бы раз. И понял до конца. Как сейчас! Ну, какая, к чертовой матери, любовь! Ну, какие дети?! Когда клюет же?! Клюет!! И нам придется их слушать. И выслушивать всегда. Часами, днями, неделями... Вечно. Как сейчас. Но женщина! Она когда-нибудь выслушает до конца? Поймет мужчину? Прочувствует, что значит РЫБА! КЛЮЕТ?!! (Пауза. Совсем смотал леску). ДА НИКОГДА. (Уходит со сцены).

«Никогда-никогда-никогда»... эхом гуляет по сцене.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ.

Мелькают блики света, мчится поезд. Из купе № 3 выходит Марк, идет к левой кулисе. Скрывается за ней. Телефонный звонок У края сцены появляется ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ, держит телефон. Выбегает из своего купе Оксана.

ОКСАНА (отвечает на звонок). Да-да-да-да!

Пауза.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Это прачечная.

Появляется Марк, смотрит в вагонное окно. Оксана Марка не замечает.

Это прачечная!

ОКСАНА. Да, да.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Был заказ на стирку белья?

ОКСАНА. Был заказ.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Ваше белье постирали.

ОКСАНА. Скажите, а вы его... (подбирает слова) хорошо постирали?

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Достаточно. Было контрольное полоскание. (Исчезает).

ОКСАНА. Сдох! Сдох ублюдок! (Бросает на пол телефон, топчет ногой). Нет больше Беллы! Нет! Умерла Белла. Умерла!!

МАРК (Оксане). Белла! Белла – Отрицательный Шпагат! Гостиница «Морской вокзал»! Двенадцать лет назад!

ОКСАНА. Я не Белла! Не Белла! (бросается к кулисе).

Сцена погружается во тьму. Стук колес, блики света ночных фонарей и луны. Оксана бежит по коридору вагона, пытается открыть одно окно, второе третье. Голос Рустама: «...Стоит войти в бордель один раз. Всего на один час. Бордель всю жизнь будет преданным псом бежать за тобой по пятам. И лизать, лизать твои пятки!» Оксана исчезает, но потом еще раз пробегает по коридору вагона. Наконец, появляется с тяжелым огнетушителем в руках, разбивает вагонное стекло.

Будь проклята Белла! Будь проклята ее жизнь! (Выбрасывается из окна поезда).

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ.

Утро. Шум вокзальной суеты. Объявление: «Уважаемые встречающие. Поезд Сто Двадцать Первый «Владикавказ – Санкт-Петербург» прибывает на пятую платформу, левая сторона». Звучит гимн Петербурга. Гудок электровоза, поезд останавливается. Появляется Проводник, прохаживается вдоль вагона. Из шестого купе выходит Волков, из третьего Марк, потом Инга из шестого купе. Трое идут по коридору вагона к кулисе, затем появляются на пироне.

ПРОВОДНИК (Волкову). До свиданья.

ВОЛКОВ. Что, извините? Не расслышал?

ПРОВОДНИК. До свидания!

ВОЛКОВ (в сторону). Не приведи Бог. (Проводнику). Прощайте. Желаю Вам большого карьерного роста.

ПРОВОДНИК. У нас не просто. С карьерным ростом. Пассажирку не видели?

ВОЛКОВ. Какую?

ПРОВОДНИК. Соседку вашу, субтильную.

ВОЛКОВ. Оксану?

ПРОВОДНИК. Наверно.

ВОЛКОВ. Не видел. А что?

ПРОВОДНИК. Ничего.

ВОЛКОВ (удивлен). «Субтильную». Однако. (Проводнику). Прощайте.

ПРОВОДНИК (кивает, мысли вслух). Ночью в пятом вагоне, в тамбуре, кто-то разбил стекло. Огнетушителем. Осколки. Кровь...

ВОЛКОВ. Что?

ПРОВОДНИК. Ничего.

ВОЛКОВ. Прощайте. (Уходит).

Появляется Марк

МАРК. Что, теперь в деревню? (Иронично). «Мать при смерти», «штифты в колене», «ревматизм»?

ПРОВОДНИК. Начистоту?

МАРК. Конечно.

ПРОВОДНИК. Все это... (передразнивает себя) «мать при смерти», «штифты в колене», «ревматизм»... Все - представление. Шоу.

МАРК. А на деле?

ПРОВОДНИК. На самом деле: нет никакой «деревни», «штифтов» и «ревматизма».

МАРК. Что есть?

ПРОВОДНИК. Коммуналка на Садовой. Любовница - бывшая жена лучшего друга.

МАРК. О как?!

ПРОВОДНИК. Так получилось. (Вздыхает). И еще...

МАРК. Еще?

ПРОВОДНИК. Я пассажиров (долго разминает затекшую шею) НЕНАВИЖУ!!!

Пауза.

МАРК. Ты говорил: отец твой умер два года назад. Памятник не на что справиться.

ПРОВОДНИК. Жив, старый бабник. До сих пор. Мы не общаемся.

МАРК (подходит к Проводнику, смотрит направо, налево). Про отца соврал зря. (Мощный апперкот в солнечное сплетение).

ПРОВОДНИК. Ох-х-х! (Опускается вниз).

МАРК (поддерживает обмякшего Проводника). На колено стань. (Ставит на колено). «Все слова, которые мы говорим, имеют значение». Стой. Дыши. Ровно. И думай. О СЛОВАХ. (Оставляет проводника, идет к кулисе).

ПРОВОДНИК. Попадешься ты мне, гад, на обратном пути!

МАРК. Не в этой жизни, прохиндей. Не в этой жизни. (Скрывается за сценой).

Появляется Инга.

ИНГА. Что-то случилось? Помочь?

ПРОВОДНИК (поднимается). Не надо. Издержки профессии. (Разминает живот).

ИНГА. До свидания. Предприимчивый железнодорожный работник. Как хоть зовут Вас?

ПРОВОДНИК. Фирсов. Андрей Сергеевич. Свои Фирсом зовут.

ИНГА. Как? Фирсом? Вы: ФИРС?!!

ПРОВОДНИК (кивает). Фирс.

ИНГА. Нет, Вы не Фирс⁵. Вы АНТИФИРС.

ПРОВОДНИК. Не понял?

ИНГА. Это для понимающих. (Уходит).

ПРОВОДНИК. Что за вагон! Что за вагон!! Надо было потерять его! Сразу за Ростовом! (Уходит).

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ.

Площадь у Московского вокзала: выход на Лиговский проспект. Слева «Галерея» справа вход в метро на станцию «Площадь Восстания (Московский вокзал)». Появляется Волков. Останавливается у края сцены, ставит чемодан. Быстрым шагом идет через сцену Марк.

МАРК (останавливается, Волкова не замечает). Прощай, Московский вокзал. Прощай, Петербург. (Пауза). Одна ночь. Всего пять часов. Чё ж так запала ты в душу! Какая женщина... Какая женщина! Плюнуть на все! Остаться. Растерзают. Распнут. Поеду! Какая женщина... Не поеду.

За сценой рев мощной машины, скрежет тормозов.

Здравствуй! Друг на все времена. «Мазерати Кваттропорте». Поеду-не поеду... На границе решу. (Уходит).

За сценой машина срывается с места, звуки ее затихают. Появляется Инга, спешит через сцену, машет рукой.

САЗОНОВ (из-за кулисы). Стой на месте!

⁵ Фирс – герой пьесы А. Чехова «Вишневый сад».

ИНГА (останавливается). ?!!

Звук: «клик-клик» - машина закрылась. Появляется Сазонов. В прежних сапогах, рыбацком костюме, в руках несет большую, сверкающую чешуей, радужную форель.

САЗОНОВ. Ну, как?

ИНГА. Потрясена!

САЗОНОВ. Никогда не ловил рыбу. А тут затащили на озеро. (Трясет форель). Я боролся с ней, как... Геракл со львом. Как Давид с Голиафом. И все-таки вытащил! Вытащил!

ИНГА. Герой!

САЗОНОВ. Два часа был счастлив, как младенец! И я понял: счастье не новый «Мерседес». Не жирный бумажник. Счастье – это лес, озеро, сосны. И огромная, живая рыбища в руках!

ИНГА. Миша, тебя не узнать!

САЗОНОВ. Счастье - это умение радоваться жизни. Хотя бы раз в день! Всего одну минуту!! Всем мерзостям и бедам вопреки!

Долгая пауза.

ИНГА. Сильно.

САЗОНОВ. Вот так.

ИНГА. Миша, я посчитала, сегодня у меня будет овуляция.

САЗОНОВ. Что будет?

ИНГА. Самый благоприятный день месяца для зачатия.

САЗОНОВ (машет рукой). Ты отдохнула?

Двое идут к кулисе.

ИНГА. Пожалуйста, не отмахивайся от меня. Сегодня у нас обязательно должен быть чувственный секс. Как в давние времена.

САЗОНОВ. Опять двадцать пять.

ИНГА. Нет, Мишенька! Не «опять двадцать пять»! Пусть будет всего один раз! Но достойный! Покидают сцену.

ВОЛКОВ (выходит на середину сцены). Марк уехал на «Мазерати Кваттропорте». Инга упорхнула на Тойоте «Ленд Крузер 200. Никогда не заработать мне на такие машины. Но кто они? Эти двое. Марк – нувориш! Выскочка. Дитя племса. Ничтожество, разбогатевшее случайно! Не знающее ничего о морали, об уважении человека человеком. Ничтожество!! И, судя по тому, как весело Марк унесся прочь! Вокзалу крикнул что-то на прощанье, да я не расслышал! Все в его жизни ладно. Все хорошо. Инга. (Вздыхает). В поезде, вчера, мне представлялась недостижимой, возвышенной аристократкой! А оказалась вульгарной охотницей до железнодорожных романов. Блудливой кошкой! (Снова вздыхает). Оксана. Выпила лишнего, с кем не бывает. Зачем ее поцеловал? Унизил! Унизил так сильно, что она ушла рано утром, только не встречаться бы со мной.

Инга и Марк укатили на дорогих машинах. Я жду открытия метро! Потому что моя машина, скромный «СИТРОЕН», в ремонте. Вчера ее починили, и денег у меня в кармане ровно столько, чтобы забрать «СИТРОЕН». Давно не задавал себе этого вопроса! Но «порядочная женщина» вчера мне его задала! Всю свою жизнь занимаюсь экономикой! Знаю о деньгах так много! Ну, почему, спросила Оксана, вы еще не стали миллионером? Этих двоих давно нет! А я жду открытия метро! Потому что не могу сейчас позволить себе такси. Да! У меня есть трехкомнатная квартира в центре Петербурга! У меня есть сносная машина. Есть верная жена. Есть наша дочь. А СЧАСТЬЯ НЕТ, НЕТ! НЕТ. Прошлой ночью я окончательно понял: я не люблю свою жену. Мне тошно с ней. Уже давно! А я все делал вид! Все врал! Ей, себе, всем врал о непроходящей усталости! Но теперь я не хочу возвращаться домой! Потому что до смерти устал врать! Ей. Себе. Всем. Эти трое: Марк, Инга, Оксана счастливы. СЧАСТЛИВЫ. А мне так отвратительно, так гадко на душе?! ХОТЬ ТЫ СГОРИ НА КОСТРЕ, КАК КОПЕРНИК. ИЛИ, УМРИ ОТ ЦИКУТЫ! КАК СОКРАТ! СЧАСТЬЯ НЕТ! (Смотрит на часы). Открылось метро. (Снимает с чемодана пиджак, надевает его). Снова

придет жара. (Достает из кармана платок, конверт падает на сцену, поднимает конверт, читает). «Профессор, наверно, я негодяй! Но здесь деньги на пару очков. Лев. Александрович. Купи себе двое очков. Смотри в зеркало. Знай: встречаются на земле отзывчивые негодяи. Лившиц. Марк». (Недолгая пауза). Выбросить! Выбросить деньги этого подонка! (Уходит за кулису, быстро возвращается назад). Но я учу людей тому, как сохранить, как приумножить деньги. В двадцать я б их сжег! Или подарил! Отписал детдому! Теперь не могу! Надо купить новые очки. Надо снять дочери на первое время хотя бы комнату... Приезжает через неделю. Должен сказать об этом жене. Но зачем, если я не люблю ее! И не хочу возвращаться домой! Счастья нет! Хоть ты сгори на костре, как Коперник! Или, как Сократ, пей цикуту. Умри мучительной смертью! Счастья нет! (Берет чемодан, деньги Марка прячет в карман, медленно идет через сцену, покидает ее).

Возникают звуки Петербургского метрополитена. Падают жетоны, щелкают турникеты, вверх-вниз движутся эскалаторы...

Объявление: «Станция: «Маяковская». Следующая станция: «Гостиный двор». (Голос машиниста: «...Поезд следует только до станции: «Гостиный двор»). Звук закрывающихся дверей поезда, потом станции «Маяковская».

Вербальный коллаж из произнесенных ранее фраз:

«(ИНГА). Поверьте, Лев Александрович. Вы, счастливый человек! (МАРК). Профессор – умнейшая башка. Жена, дети! Чудная работа. Почему ж я не такой вот профессор?! (ВОЛКОВ). Марк – ничтожество! Разбогатевшее случайно. Инга – охотница до железнодорожных романов! Есть квартира в центре Петербурга. Верная жена. Дочь. А счастья нет, нет, и нет. (МАРК) Счастье – гадюка – жалит достойных! (ВОЛКОВ). Этим троим повезло. Просто повезло. Повезло...»

Занавес.

23 апреля 2014 г. – 05 января 2015 г. «А счастлив кто...» (Написание пьесы. Первая редакция).

28 февраля 2015 г. - 04 апреля 2015 г. «Попутчики». (Вторая редакция пьесы «А счастлив кто...» Новое название).